

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

КАЗНЬ

ФЭНТЕЗИ-АЛЬТЕРНАТИВА



ЭКСМО

Марина и Сергей Дяченко

Казнь

«Автор»

1999

Дяченко М.

Казнь / М. Дяченко — «Автор», 1999

Ночные кошмары хороши одним – возможностью проснуться. У нее такой возможности нет. Она сделала шаг, и оказалась в мире, где кошмарный ужас – не просто реальность, но единственная реальность. Можно, наверное, сделать еще шаг. Вот только каким окажется следующий мир? Еще страшнее? Еще безысходнее? И каким тогда будет ее следующий шаг?..

© Дяченко М., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	40
Глава четвертая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Марина и Сергей Дяченко

Казнь

Глава первая

* * *

На повороте, где дорога выписывала петлю над самым обрывом, Ирена остановилась. Вышла из машины, чтобы посмотреть на туман.

Провал начинался сразу же за полосатыми столбиками дорожной разметки. На дне провала сидело самое настоящее облако – даже на вид плотное, струйчатое, медленно перетекающее само в себя. Серые ложноножки, поднимаясь над краем провала, таяли в лучах восходящего солнца – сквозь расплывающиеся лохмотья проступали горы, дальний лес, красная крыша маленькой кофейни, до которой еще десять минут езды...

Из-за поворота осторожно – а в этих горах все ездят осторожно – выглянула мелкая синяя легковушка. При виде созерцающей Ирены притормозила, остановилась; из-за руля выбрался лысеющий мужчина – Ирена его где-то уже с ним сталкивалась. Впрочем, в этих местах все когда-нибудь встречаются, людей-то не так уж много...

– Что-то случилось с машиной? Вам помочь?

Над опадающими клочьями тумана летела, мерно взмахивая крыльями, белая птица. Лес проступал яснее – он тянулся с горы на гору, будто небрежно наброшенная шаль.

– Э-э-э... Извините за беспокойство...

Она очнулась:

– Нет-нет... спасибо. С машиной все в порядке.

Мужчина нерешительно топтался на месте. Вероятно, бранит себя за неуместное рвение. И боится показаться глупым.

Туман таял. Скоро проявятся валуны на дне провала и ручей между валунами.

– Спасибо, – повторила она, думая о другом.

– А говорят, – неожиданно сказал мужчина, проследив за ее взглядом, – говорят... Знаете эту приметку?

На красную крышу кофейни легло солнце, отчего черепица засияла, будто мак.

– Говорят, – мужчина кашлянул, – что если в безлюдном месте долго смотреть в плотный туман – можно увидеть Создателя. Он ходит в тумане, как в облаке... Вы не Создателя, случайно, караулите?

Ирене захотелось кофе. Она вообразила маленькую фарфоровую чашечку с петелькой ручки, такой крохотной, что иначе, как двумя пальцами, за нее не взяться...

А до кофейни еще десять минут пути!..

– Извините, – снова сказал мужчина, и через секунду за спиной Ирены заурчал мотор его синей легковушки.

– Нет, я просто люблю это место, – сказала Ирена в пустоту. – Красиво, правда?

Синяя машинка удалялась, виляя хвостом выхлопного дымка. Вероятно, в знак согласия.

* * *

Кафедра филологии помещалась в центральном корпусе – самом большом и пышном, с административными кабинетами, с каменными гарпиями, охраняющими вход. Ирена терпеть не могла и администрацию, и гарпий.

Она опоздала на десять минут. Заведующая кафедрой демонстративно посмотрела на часы:

– Когда госпожа Хмель явится вовремя, я поверю в скорый конец света...

Ирена не ответила. Села в углу у стола, достала записную книжку и принялась водить ручкой по пустым клеточкам.

– ...итоги нынешней сессии позволяют сделать выводы о...

Заведующая кафедрой, моложавая блондинка, была похожа на крупного кудрявого ангела, голос имела приятный и глубокий, а рассудок трезвый и совершенно мужской; поколения студентов передавали друг другу ее неизменную кличку: Карательница. Ирена знала, что, будучи хоть при смерти, студент – если у него нет надежды помереть до начала ближайшей сессии – приползет к ней на лекцию, опасаясь неминуемых, неслыханных в своей жестокости санкций...

Половина неудачников, вылетевших из университета после первого же триместра, с полным основанием могли благодарить за это госпожу Карательницу. Что до кафедры, то те, кто уцелел на ней за последние пять лет, давно уже привыкли к вечной грызне на заседаниях.

Ирена водила ручкой по чистому листу. Сквозь бледный узор клеточек проступали очертания замка – половина башен обрушилась, и над донжоном вздымался огонь. Осадная башня, таран у ворот, полчища варваров, взбирающихся на стены...

Темпераментная речь госпожи Карательницы сменилась ядовитой тирадой длинного, как жердь, профессора восточной литературы; конфликт вспыхнул, как куча промасленного тряпья, Ирена раздраженно поморщилась.

– ...А то, что за подачу работ на конференцию взялись именно вы! И как понять, что я и мои студенты узнали о ней за неделю, в то время как ваши успели подготовить три развернутых доклада?!

Ирена оторвала взгляд от горящего на бумаге замка.

В просторной комнате кипели страсти. На чахлах веточках комнатного лимонного дерева спокойно шил свои сети тощий, болезненного вида паучок, – зато у профессора восточной литературы тряслись губы и летела слюна изо рта. Ирене казалось, что между профессором и Карательницей выгибается вольтова дуга:

– ...Вы все сказали? Я спрашиваю, вы все сказали? Может быть, теперь вы некоторое время помолчите?!

В сравнении со склокой на кафедре даже горящий замок казался бледным, лишенным жизни, ненастоящим. Ирена пририсовала в уголке виселицу с пустой петлей – трагическая картинка приобрела и вовсе опереточный вид. Грустно покачав головой, Ирена перевернула страницу.

– ...Вот хотя бы и госпожа писательница!

Ирена нахмурилась. Помолчала, разглядывая пустой клетчатый листок; подняла взгляд. Все присутствовавшие на заседании почему-то смотрели на нее – только профессор, ухватившись за сердце, глядел в окно. Полагая, наверное, что один только вид свежего воздуха способен его успокоить.

– Вот кому я завидую, – с ноткой горечи сообщила Карательница. – Это у нас, господа, нервы. Все это нас касается. А у госпожи Хмель совсем другие интересы. И если в один пре-

красный день весь наш институт стгорит синим пламенем – госпожа писательница, вероятно, даже не обратит внимания...

Ирена представила себе языки пламени над административным корпусом. Осадная башня на клумбе, таран, сшибающий гарпий у входа, полуголые варвары, десятками гибнущие от рук госпожи Карательницы...

– Господа, – полная женщина-доцент постучала по стеклышку часов. – Не время ли закругляться?..

И только когда члены кафедры, облегченно вздохнув, высыпали в коридор, Ирене пришел на язык хлесткий и остроумный ответ.

* * *

– Ирена, вы меня подбросите? – спросил профессор восточной литературы. Он жил на окраине университетского городка и никогда не упускал возможности напроситься к Ирене в попутчики.

– Я ненавижу стерв, Ирена. О, как я ненавижу стерв. Моя первая жена была стерва... Знаете песенку – «как берутся стервы из хорошеньких невест»?.. И тем более приятно видеть рядом женщину, которая... осторожно, автобус!!

У профессора была скверная привычка – он изо всех сил помогал Ирене вести машину. Всякий раз подпрыгивал на сидении и в ужасе указывал на неминуемую, с его точки зрения, опасность.

Автобусы вывернули из-за угла – их было три. У ворот общежития их поджидали: рюкзаки, баррикадой сваленные поперек тротуара, перегораживали дорогу пешеходам, а румяные студенты галдели и приветственно махали разноцветными спортивными шапочками.

– У людей каникулы, – завистливо констатировал профессор.

Ирена притормозила.

Прогулять лекцию госпожи Хмель считалось среди студентов обычным делом, зато и радость, с которой обычно приветствовали Ирену, была совершенно неподдельной. Выбравшись из машины, она сразу же оказалась в кольце – молодые люди, оттеснив девушек на задний план, дурашливо сражались за право поцеловать Иренину перчатку.

– Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте!

– Госпожа Хмель, поедemте с нами!

– Госпожа Хмель, разрешите поприветствовать...

Она, конечно же, не успевала ответить сразу всем – ограничивалась кивками и улыбкой. Ажиотаж понемногу спадал, кольцо ребят вокруг Ирены редело, и через несколько минут она осталась в обществе двух своих старинных почитателей – имен она, к своей досаде, никак не могла вспомнить.

– Госпожа Хмель, – нерешительно попросил высокий тощий очкарик. – Вы мне автограф... можно? Я специально за журналом гонялся... Тем номером, где ваша повесть...

Она смутилась, как бывало всегда, когда студенты заговаривали о ее публикациях. Кивнула.

– Говорят, скоро выйдет книжка?.. Госпожа Хмель, скажите, пожалуйста... – очкарик замялся. – Почему у вас всегда все так плохо кончается?

– Так уж плохо? – она усмехнулась, скрывая смущение. – Герой погиб – это, конечно, жаль, но ведь он знал, на что идет...

Парень покраснел:

– Дело не в том... Плохо, что его девушка вышла замуж за барона. Плохо, что... ну, в общем, это...

– Вы сознательно... м-м-м... расчленили образ романтической легенды? – негромко спросил второй, широкоплечий и мощный, но с детским круглым лицом.

– Совершенно сознательно, – она посмотрела круглолицему в глаза, но он не смутился под этим взглядом. По-взрослому поджал губы:

– Получается, что это... разрушение романтики, приземление... Что это – ваш фирменный творческий метод?

Она задумалась.

Студенты суежились вокруг автобусов, очкарика кто-то дернул за рукав, а круглолицего окликнули; в машине нетерпеливо возился профессор.

– Мы поговорим об этом в будущем триместре, – сказала она, садясь за руль. – Счастливых каникул...

– И вам счастливо, госпожа Хмель... Пишите побольше...

– Бедные мальчики, – сказал профессор, когда автобусы скрылись из виду. – Женятся каждый на своей стерве – и станут, как все... Вот скажите, Ирена. Когда я открываю книжку – я хочу отдохнуть, я хочу наркотика... А стерв мне и в жизни хватает...

– Не надо было с ней связываться, – сказала Ирена, вспомнив Карательницу.

– Нет, не то... Знаете, почему я не могу читать ваших рассказов? Потому что если дама в кринолине, а мужики в кольчугах и с мечами – мне хочется сказки, Ирена. Иного, так сказать, мира... мироустройства... чтобы были лесные духи, гномы там разные, кровавые войны, жестокие законы... любовь... А не бытовые, простите, разборки с печальным исходом.

– Я подумаю, – сказала она. И это не была отговорка – она действительно собиралась подумать, а как ее мысли соотносились со словами профессора – дело третье.

– Вы только не обижайтесь...

Она притормозила перед профессорским домом.

– Ох, спасибо, Ирена... Желаю вам творческих успехов. И хоть немножко отдохните в каникулы...

– Спасибо. Вам того же...

Профессор поставил одну ногу на землю. Задержался, будто раздумывая, обернулся:

– Ирена... Вы напрасно думаете, что все мужчины в мире – самовлюбленные эгоисты.

– Я подум... – начала она привычно, но вовремя спохватилась: – Я вовсе так не думаю.

Профессор печально потряс головой:

– Знаю... Ну что ж. До свидания.

* * *

Первое, что она сделала, вернувшись домой – вытащила из-под кровати черепаху и положила ее на коврик в свете настольной лампы. Черепаха, похожая на закованного в латы рыцаря, смерила Ирену бессмысленным взглядом бусинок-глаз; черепаха не отзывалась на свое имя и никогда не шла на зов. Ирена держала черепаху просто так, для настроения.

Сторожевой пес Сэнсей бил хвостом по доскам крыльца, умоляя впустить его в дом; Ирена исполнила его просьбу и только после этого подошла к телефону, чтобы проверить, кто звонил в ее отсутствие.

Ого! Два звонка от литагента и еще три – с незнакомого телефона. Кто это, интересно, так настойчиво домогался беседы с госпожой Хмель...

Она дала черепахе капусты. Потрепала Сэнсея по затылку, улеглась на диван и натянула плед до самого подбородка.

Хотя, честно говоря, следовало самой позвонить литагенту. Мало ли что, вдруг выгодный контракт...

«Разрушение романтики, приземление»... «Хочется сказки, Ирена... Иного, так сказать, мира...»

Надо было ответить так. Да, ничто не мешает всем вам верить, что там, в ином мире, лучше и интереснее... В чистом и честном мире, без зачетов, без Карательниц, без налоговой инспекции... Но вы ошибаетесь, потому что...

Закурлыкал телефон. Ирена вздохнула – на табло горел номер литагента.

– Да, я слушаю...

– Госпожа Хмель? Наконец-то... Вообразите себе, у нас есть покупатель на весь цикл об Осаде.

– Но он же еще не написан...

– Именно! Авансом, под заказ... Только, Ирена, ради Создателя, они просят побольше магии. Обязательно Темный Властелин, хотя бы на третьем плане. Они хотят фантазии, волшебников, артефактов, квестов, поединков... Ирена, вы помните, мы с вами уже не раз говорили...

– Я подумаю, – сказала она примирительно.

Литагент замолчал. Он достаточно хорошо успел изучить свою подопечную, чтобы различать оттенки этой ее привычной фразы.

– Ирена... Назрел серьезный разговор. Где мы могли бы встретиться?

Она вздохнула:

– Я подумаю...

– Хорошо, – голос в трубке помрачнел. – Я перезвоню завтра утром...

– Конечно, – сказала она с облегчением и положила трубку.

Сэнсей вертелся вокруг кровати, ставил лапы на плед, и это было плохо, потому что известно какие у него лапы – грязные...

...Вы напрасно верите, мальчики, что там, в этом честном мире, вы окажетесь среди сильных, найдете достойное вас место... Потому что те, кто действительно умеет находить такое место – находит его в ЛЮБОМ мире... Они побеждают на выборах и ворочают миллионами, и совсем не читают сказок. А потому вы обманываете себя, мальчики... А я вас обманывать не стану...

– Какие глупости, – сказала она вслух. – Тоже мне, проблема...

Снова – телефон. Нет, еще один звонок – и она отключит его...

Звонила знакомая. Не так, чтобы очень близкая – но вполне приятная. Из тех, с кем интересно беседовать два раза в месяц и видаться два раза в год...

– Ирена? Что ты делаешь сегодня вечером?

– Сплю, – сказала она честно.

– Хочешь, мы заедем за тобой? Сегодня годовщина свадьбы Игоря и Янки, мы хотели...

Ирена с трудом вспомнила, кто такие Игорь и Янка. Ах да, тоже симпатичные люди...

– ...интересное общество. И несколько твоих читателей-поклонников, ты их еще не знаешь... Все очень хотят тебя видеть. Поедешь?

Ирена молчала. Голос в трубке несколько потерял уверенность:

– Ирена... ты ведь здорова?

Она подумала, что следует ответить «нет». Сказаться больной, чтобы никто не обиделся...

Вставать с дивана? Одеваться, делать макияж? Ехать куда-то, с тем чтобы вернуться за полночь с тяжелой головой, в запахе терпких духов и чужих сигарет...

Черепаша под настольной лампой флегматично двигала челюстями.

– Извини, – Ирена вздохнула. – Но я не поеду. Слишком много... – она хотела сказать «пищи для размышлений», но в последний момент одумалась. – Слишком много... работы.

– Но ведь только один вечер, – приятельница, судя по голосу, все-таки обиделась. – Мы ведь не так часто тебя... беспокоим!

– Извини, – Ирена знала, что через несколько минут после отбоя в голову к ней явятся веские доводы и остроумные оправдания, но выслушать их будет некому...

А Сэнсей и черепаха давно привыкли к ее монологам. И, возможно, знают все ее аргументы наперед.

* * *

Она подмела двор. Посмотрела, как садится за горы солнце; разожгла костер, попыталась по дыму определить погоду на завтра – и не определила. Сэнсей носился, отбрасывая задними лапами комья земли, и его восторг частью передался Ирене. В конце концов, уже почти весна...

Телефонный звонок вывел ее из созерцательного настроения. Телефон курлыкал долго и настойчиво – по дороге к нему Ирена насчитала пятнадцать звонков.

– Госпожа Хмель?

Тот самый незнакомый номер. И голос, что интересно, незнакомый тоже. Она ведь просила никому не давать ее номер...

– Госпожа Хмель, меня зовут Николан Петер, я прошу прощения, если потревожил...

Он сделал паузу, как бы специально для того, чтобы она любезно опровергла его – ничего страшного, мол, я слушаю.

Но она молчала. Потому что неведомый господин Петер действительно потревожил ее.

– Госпожа Хмель, речь идет о вашем муже, Анджее Кромаре.

– О моем бывшем муже, – поправила она механически.

Потом у нее подкосились ноги, и она села на диван.

– Он жив?

– Но, госпожа Хмель, зачем сразу такие страшные предположения...

– Он жив?

– Да, конечно... Видите ли. Вообще-то, я из Комитета Общественной Безопасности.

Ирена глубоко вздохнула. Сердце колотилось как бешеное, даже черепаха, кажется, повернула закованную в латы голову и повела бусинками бессмысленных глаз...

– Он что-то натворил?

– Нет, напротив, возможно, его представят к награде...

Опираясь о мягкий бок дивана, Ирена подобралась к столу и положила ладонь на горячий черепаший панцирь. Обычно такое прикосновение успокаивало ее.

– Тогда при чем тут я?

– Необходимо встретиться.

Ирена поморщилась. Ни с того ни с сего пришла мысль, что это, наверное, уловка новобрачных Игора и Янки, которые во что бы то ни стало решили вытащить ее сегодня на вечеринку...

Она вообразила, как едет на встречу с сотрудником Комитета – а попадает в развеселую подвыпившую компанию безусловно милых людей...

– Сегодня?

– Завтра утром, – невидимый Петер будто не расслышал сарказма в ее голосе. – Если пожелаете, за вами пришлют машину...

– У меня много работы, – сообщила она осторожно.

* * *

...Ей было восемнадцать лет, и она без памяти любила однокурсника, Ивонику, первого парня на всем факультете. Их любовь некоторое время ограничивалась объятиями в темноте кинозала; очень долго они ходили друг вокруг друга, как намагниченные, боясь и разойтись, и сблизиться – когда вдруг однажды вечером, провожая Ирену домой, Ивоника поцеловал ее на автобусной остановке.

Завертелось.

Остановка была пуста; они долго целовались, забравшись под стеклянный навес, а потом, обменявшись долгим взглядом и поклявшись друг другу в любви до гроба, перешли на другую сторону дороги и поехали в противоположном направлении – к Ивонике в гости.

Редкие пассажиры поглядывали на них с пониманием. Пропустив нужную остановку, влюбленные возвращались пешком, держась за руки. На перекрестке играл за подавание бродячий оркестрик – огромная туба, две трубы поменьше и барабан с тарелками. Здесь же Ивоника купил из рук доброжелательной бабули маленький белый букетик...

Окна Ивоникиного дома были пустыми и темными – родители пребывали в отъезде. Ирена так разволновалась, что перед самым порогом поскользнулась и шлепнулась, выронив сумку, рассыпав по снегу конспекты, карандаши и косметику.

Они собирали Иренин скарб в четыре трясущиеся руки. Потом вошли в дом, поставили чайник и тут же про него забыли. Ивоника вытащил бокалы и вино; они по-быстрому опустошили бутылку и почувствовали себя почти героями.

В спальне Ивоника сперва потушил ночник, потом зажег, потом снова потушил. Ему очень хотелось выглядеть опытным мужчиной, – а Ирена вспомнила, что у нее на маечке имеется неподшитая зацепка, и уже ни о чем не думала, кроме как вовремя прикрыть ее ладонью...

Ивоника жарко дышал. Ивоника робел, улыбался, вздрагивал – и, наконец, залез к ней под одеяло; она, одурманенная вином, закрыла глаза и отдала себя в руки судьбы – когда под самыми окнами грянул неистовый духовой оркестр.

...Ирена вздрогнула – воспоминание было слишком явственным. Сняла руку с теплого панциря. Обменялась взглядом с черепахой, послушала шум ветра за окном, устало опустилась в кресло.

Подлец... В тот день ОН встретил парочку влюбленных и положил на девушку свой безошибочный глаз. Проследил. А потом выгреб из карманов всю мелочь и сделал небритым оркестрантам персональный заказ...

...Они стояли под окном – бодрые бродяжки с медными трубами, те самые, с перекрестка... И гремели свадебный марш, так, что в соседних домах зажигались окна... Бамс! – пронзительно лязгали тарелки. Бамс!.. И она заплакала и лихорадочно принялась одеваться, а Ивоника некоторое время простоял столбом, а потом распахнул окно, обрывая поролоновые полосы утеплителя, и запустил в музыкантов круглой табуреткой...

Циничная туба имитировала непристойный звук.

Ивоника сидел на полу и судорожно вспоминал грязные ругательства – все, какие знал, все, которые когда-то слышал и забыл, и еще такие, которых не знал и не слышал – они придумались на лету и оттого звучали еще более жалко...

Дура. Какая она была... Неужели это неизбежно, и в восемнадцать лет все девочки – идиотки?!

А тогда она, конечно, моментально протрезвела. И бежала, под звуки свадебного марша бежала куда глаза глядят, и едва не угодила под машину...

А на следующее утро ее, зареванную, несколько раз звали к телефону, но она не подходила, не желая разговаривать с Ивоникой... А когда позвали в четвертый раз и она сделала

над собой усилие и спустилась к окошку вахтерши, – никакого Ивоники в трубке не оказалось. Незнакомый голос вкрадчиво осведомился:

– Это Ирена?

Она не готова была к такому повороту событий и потому промолчала.

– Алло, Ирена?

– Вы кто? – спросила она угрюмо.

– Я Анджей.

...Впоследствии она узнала, что он добивается любой поставленной цели. Совершенно любой.

– Какой-такой Анджей? – ей наплевать было, что ее слушают.

– Тот, кто заказывает музыку.

Она промолчала.

– Я подобрал вашу записную книжку... вместе с номером телефона.

– И что? – спросила она.

Зато уже через секунду добавила:

– Так засуньте эту книжку себе... куда хотите!

И шлепнула трубку на рычаг...

Он был старше ее на семь лет. Жил один, в огромной комнате почти без мебели, но перемещаться по ней можно было лишь бочком, под стенкой, потому что все пространство занимал средневековый город, построенный из спичечных коробков.

– Это что?! – спросила она, впервые переступив порог его комнаты.

– Да так, – он небрежно махнул рукой. – Ничего особенного... Одна моделька.

* * *

Они встретились на нейтральной территории – в кафе; Николан Петер пришел в сопровождении красивой подтянутой женщины – из тех, кто до глубокой старости пунктуально посещает спортзал, массажиста и косметолога. Дама, тем не менее, нервничала, и Ирена с удивлением поняла, что источником ее напряжения является безобидная госпожа Хмель.

– ...И ваши последние вещи. Я дала читать их сыну – тот в восторге, у него половина класса записано в очереди на этот журнал...

Скорее всего, дама врала. Скорее всего, ей только вчера вечером вручили журнал, и она спешно проштудировала Иренину повесть, желая иметь тему для приятного разговора с нужной собеседницей...

Потому что она, Ирена Хмель, зачем-то им нужна.

– Вы собираетесь беседовать со мной как представители Комитета или как частные лица?

Дама улыбнулась – вполне обаятельно, но за улыбкой скрывалось все то же напряжение:

– Уютная обстановка... располагает прежде всего к частной беседе.

– И тем не менее?

– Да, мы уполномочены говорить официально, – Петер, оказавшийся полноватым печальным блондином, вздохнул. – Мы понимаем ваше... мягко говоря, замешательство.

– Вы, конечно, знаете, что мы с мужем развелись пять лет назад? – небрежно спросила Ирена.

Петер кивнул:

– Разумеется... Позвольте принести извинения за невольное напоминание о вещах нежелательных и неприятных. Но... Комитет вынужден просить вас о помощи. В том числе... и о помощи вашему... бывшему мужу.

Ирена молчала.

Бревенчатый домик о десяти углах был в этот час почти пустым. Столы помещались по кругу, против входа – стойка, а в центре, под широким отверстием в потолке – жаровня. Едва ощутимо пахло дымом, и блюдо, заказанное господином Петером на троих, только начало путь преобразования – от кровавых мясных обрубков к румяным аппетитным кусочкам...

– У нас мало времени, – господин Петер смотрел проникновенно. – Дело вот в чем. Представьте себе, что наш сотрудник, выполняющий свою миссию, в процессе некоторых социологических исследований... пережил тяжелый шок и фактически оказался... невменяем.

Ирена молчала. Аккуратный сизый дымок, поднимавшийся над жаровней, тонкими волокнами вытягивался в дыру на потолке.

Даже в лучшие времена Анджей ничего не рассказывал ей о своей работе... И уж конечно, он всегда был малость невменяемым. Если, конечно, возможно такое сочетание слов.

– Наверное, вы будете удивлены, – женщина вздохнула. – Мужчины удивляют нас не реже, чем мы их... Но данные специального теста показали, что вывести этого человека из ступора может... сильный раздражитель. В том числе – появление бывшей жены.

Ирена по-прежнему молчала. Эти двое уже загрузили ее выше ватерлинии – самое время лечь на диван, натянуть до подбородка плед и поразмыслить над их словами...

Интересно, что за «специальные тесты»?

«Я подумаю», хотела она сказать – но в последний момент удержалась.

– Да, – господин Петер подался вперед, и глаза его оказались прямо напротив Ирининых глаз. – Случилось так, что от... душевного здоровья этого человека сейчас зависит судьба многих других людей... Можно сказать, вопрос жизни и смерти. И Комитет обращается к вам... как к сознательной гражданке. Как к женщине, педагогу, гуманисту...

Мясо на вертеле понемногу приобретало съедобный вид. Вероятно, и госпожу Хмель сейчас обрабатывают, доводя до готовности...

К чему вся эта патетика?

– Он в больнице? – спросила Ирена, и голос ее был менее равнодушен, чем ей хотелось бы.

Кажется, Петер и женщина едва удержались, чтобы не переглянуться.

– К сожалению, нет... Несчастье случилось, когда господин Анджей Кромар находился с научной миссией в... командировке.

– О какой науке вы говорите? – удивилась Ирена. – Я всегда считала, что Комитет...

– О прикладной социологии, – негромко сообщил Петер. Глаза его сделались отрешенными, как будто он смотрел на Ирену из далекого далека. – Об экспериментальной социологии... Видите ли. В любой момент времени у человечества был, так сказать, потаенный запретный уголок. Исследования, которые считались неприличными, неэтичными, негуманными... И тем не менее неслышанно перспективными. Естественно, только под надзором Комитета...

Кусочки мяса медленно вращались вокруг своей оси, подставляя огню то один, то другой бок.

– Что случилось с Анд... с господином Кромаром?

Женщина вздохнула.

– Он проводил эксперимент, – Петер по-прежнему смотрел Ирине в глаза, и взгляд его был теперь схож со взглядом умудренной опытом лани.

– Неудачный?

– Наоборот. НЕВИДАННО удачный. Талант господина Кромара... еще будет оценен государством и обществом... Впрочем, об этом потом. Дело в том... что когда работаешь на грани дозволенного... дозволенного не обществом – дозволенного природой... Тогда и успех может обернуться трагедией. Вот как в нашем случае...

Ирена тоскливо подумала о своем пледе. О диване, о чашечке чая, о горячем панцире флегматичной черепахи.

– Вы, вероятно, уже устали, – женщина улыbnулась через силу, – от наших недомолвок...

– Что от меня требуется? – спросила Ирена, с досадой понимая, что этим-то вопросом и следовало начинать разговор.

– Мы попросили бы вас, – голос Петера сделался совсем уж проникновенным, – навестить господина Кромара там, где он сейчас находится... и вывести его из шокового состояния. Этим вы спасете... его жизнь. И, возможно, жизнь еще многих людей... Профессиональная этика не позволяет мне сказать большего.

Ирена молчала.

Если бы речь шла о том, чтобы съездить в соседний городишко и разыскать там Анджея – вряд ли уместен был весь этот странный разговор...

– Я так понимаю... он находится далеко?

– Транспортные расходы берет на себя Комитет, – глуховато сообщила женщина.

– А куда, собственно, предстоит...

Петер вздохнул. Вытащил из-под стола свой плоский портфель, из портфеля – заранее приготовленный листок:

– Вот... прочтите и подпишите.

Ирена пробежала глазами текст – это была подписка о неразглашении государственной тайны; ей почему-то сделалось весело. Местонахождение Анджея является государственной тайной. Давно пора. Давно пора объявить этого паразита оружием тактического значения, а во мрачном расположении духа – и стратегического... И, разозлив как следует, сбрасывать на позиции вероятного противника. «Через час враги, рыдая, побегут сдаваться в плен...»

Петер сдвинул брови. Ему непонятна была ее усмешка.

Она пожала плечами:

– Сроду не хотелось ваших тайн...

– Это формальность, – мягко сказала женщина. – Но без вашей подписи мы не можем...

На диван, подумала Ирена устало. И дня два не высовывать нос из-под пледа. Восстанавливать внутреннюю экологию...

Она подписала. Петер долго изучал бумагу, будто сомневаясь в подлинности Ирининого автографа; потом официант принес жареное мясо, и документ пришлось убрать – от жирного соуса подальше.

– Видите ли... Основная специальность вашего бывшего мужа – модельатор.

Красный соус оплывал каплями – как будто мясо, преобразившись над огнем, пожелало снова выглядеть сырым и воспользовалось косметикой из кровавого томата. Вот так и женщины... – подумала было Ирена, но доводить назидательную мысль до конца не больно-то хотелось.

– Итак, модельатор, – голос Петера понизился до шепота. – Экспериментатор... И случилось так, что в процессе эксперимента ваш муж создал...

– Мой бывший муж, – механически поправила Ирена.

– Ваш бывший муж... создал функционирующую четырехмерную модель. Во временном режиме десять к одному...

– Очень хорошо, – сказала Ирена, потому что оба ее собеседника явно ждали какой-то реакции.

Женщина поперхнулась. Петер сглотнул:

– Вы не поняли... Он находится ВНУТРИ модели. Мы имеем сведения о том, что он жив и здоров... Вместе с тем его поведение наводит на мысль о шоке. О расстройстве восприятия...

Ирене представился Анджей, восседающий посреди своего спичечного города – самая высокая башня едва достает ему до плеча. «Это? Пустяки, так, моделька...»

– Я что-то не очень вас понимаю, – призналась она честно. – Но я обещаю подумать.

* * *

...Примерно месяц назад она получила открытку. Без подписи, и текст был напечатан безликим принтером – но она все равно сразу же поняла, кто отправитель.

На картинке не было ничего особенного – просто красивый городской пейзаж. Какой-то магазин с яркой витриной. Вывеска над входом, нечто вроде «Праздничные шутки и сюрпризы». Улица, прохожие, дети, обычные жанровые сценки...

«Ну, я пошел, – написано было на обратной стороне. – Привет».

Она долго вертела открытку в руках. В какой-то момент даже обеспокоилась – ей почудился намек на самоубийство... И, возможно, любой другой человек, отправляя подобное послание, действительно помышлял бы о суициде. Любой другой – но не Анджей.

Он был из тех, кто НИКОГДА не покончит с собой. Даже в помыслах.

Что он имел в виду? Она думала об этом несколько дней, а потом перестала. В конце концов, все это осталось в далеком прошлом – Анджей...

Анджей.

Она села на диване. Дом спал; спала на журнальном столе черепаха, и Сэнсей тоже, вероятно, дрых в своей будке – хотя стоит случайному прохожему пройти вдоль забора, как все окрестности тут же узнают, каков бывает Сэнсей...

А открытку она давно уже выбросила. Вместе с прочим бумажным хламом.

* * *

Сначала была проходная. Потом внутренний кордон, потом еще один, потом еще. Ото всюду пялились рачьи глаза телекамер; на всех постах господин Петер совал в специальное гнездо свое удостоверение – зеленую пластиковую карточку. И еще одну карточку, красную, изготовленную специально для Ирены; лампочки мигали, давая добро, и сосредоточенные охранники снимали блокировку с бронированных дверей.

– Приносим извинения за, э-э-э, некоторые неудобства...

Ирена покровительственно улыбалась. Для того, чтобы оградить эту их хваленую секретность, достаточно было бы посадить у входа одного-единственного Сэнсея.

За очередной дверью оказалась обшитая пробкой, напичканная аппаратурой комната; Ирена с любопытством огляделась.

Петер нервно потер ладони:

– Кофе хотите?

Самый большой и сложный прибор, примостившийся у входа, оказался комбайном-кофеваркой. Ирена в жизни таких не видела.

– Автомат для мытья посуды у вас тоже есть?

Петер не ответил. Подсел к миниатюрному монитору, пощелкал кнопкой, устало сказал кому-то невидимому:

– Выведи на нас его физданные...

Кофеварка зашипела, выпуская струйку ароматной жидкости. В ее шипение вклинился другой звук – точь-в-точь фонограмма из фильма про врачей-убийц.

Мерные удары сердца. Шелест воздуха – вдох-выдох... Экран монитора ожил, осветился некой развернутой диаграммой. Световые столбики подпрыгивали и опадали.

Ирена подошла и присела на подлокотник вертящегося кресла.

– Это Анджей, – напряженно сказал господин Петер за ее спиной. – Сейчас данные разворачиваются в реальном времени, для наглядности и для удобства. Хотя – вы помните – модель работает в хронорежиме десять к одному...

Ирена молчала.

Ей сложно было поверить, что самолюбивое сердце Анджея способно биться напоказ, в динамиках. В какой-то момент ей стало неприятно – как будто некую интимную подробность выставили для всеобщего обозрения...

– Он в сознании, – сказал Петер, глядя на кофейную чашечку в собственных руках. – Эксперимент длится вот уже месяц... реального времени. У нас колоссальный перерасход энергии. Модель необходимо сворачивать... Если он этого не делает – он не в себе.

Ирена приняла чашку из его рук и с удовольствием отхлебнула. Коснулась ладонью шеи, ловя собственный пульс; сердце Анджея всегда билось реже. «Удав, – говаривала Ирена в свое время. – Хладнокровная сытая змеюка...»

Она поставила кофе обратно на блюдечко. Она ОСОЗНАЛА, и мерные удары перестали быть фонограммой. Это действительно билось сердце – вполне определенного, знакомого Ирене человека...

– Дело вот в чем, – Петер вздохнул. – Мы обладаем возможностью... гм. Мы можем прервать эксперимент, закрыть модель снаружи... Даже если не принимать в расчет господина Кромара, который при таком варианте обязательно погибнет... Даже если не принимать этого в расчет – взрыв вероятностных аномалий такой силы... способен... причинить неконтролируемый ущерб... положить начало не до конца изученным нами процессам... Я уже не говорю о международном скандале – но попросту, грубо говоря, нас ждет катаклизм, который...

– То есть как не принимать в расчет? – удивленно спросила Ирена.

Господин Петер замолчал.

– То есть что не принимать в расчет? Смерть Анджея?

Господин Петер страдальчески сморщился:

– Нет... то есть... Видите ли, Ирена, эксперимент с самого начала нес в себе опасность... для жизни испытуемого. Господин Кромар...

– Господин Кромар никогда не был склонен к авантюрам, – сказала Ирена медленно. – И никогда не рисковал бы жизнью просто так... ради научного интереса. Думаю, он был уверен до конца... что ему удастся провести эксперимент и остаться в живых.

– Да! – Петер сморщился так, что лицо его стало похоже на сдувшийся резиновый матрас. – Но эксперимент оказался НАСТОЛЬКО удачным... Что это граничит с катастрофой, Ирена. Боюсь, что даже Анджей... не мог предполагать...

Сердце в динамиках билось уверенно и ровно – но Ирена вдруг похолодела от мысли, что еще секунда-две – и оно остановится. Завопят, забегают невидимые сотрудники господина Петера, и сам он прольет кофе на светлые брюки – и только она, Ирена, останется сидеть неподвижно, и даже чашка в ее руке не дрогнет...

– Итак, Ирена, мы не можем схлопнуть модель извне... И поддерживать ее жизнеобеспечение не можем тоже. Потому что каждая минута существования модели порождает проблемы... в том числе, извините, этические. Потому что ЭТО, созданное господином Анджеем... с каждым мгновением становится все более... как бы это объяснить... автономным. И когда оно станет совсем автономным... Видите ли. Это раковая опухоль на вероятностной структуре реальности...

Он еще что-то говорил – красиво и научно. Ирена пила кофе и слушала, как дышит Анджей. Кажется, и пульс и дыхание чуть ускорились – возможно, он волнуется, или, может быть, бежит...

При слове «модель» ей представлялась увеличенная копия спичечного городка, запечатанная в непроницаемую капсулу. И где там, спрашивается, разбежаться?..

Она желчно усмехнулась. Петер заметил ее улыбку – и прервался:

– Я понимаю – все это звучит... может быть, фантастично, или не вполне убедительно... Но единственная для нас возможность – найти модельера внутри модели и, извините, побудить его... принудить его завершить эксперимент.

Он замолчал. На лице его, как ни странно, обозначилось облегчение – как будто он наконец-то переступил через колебания и излил душу. Высказал все начистоту.

Кофе закончился. Ирена с сожалением заглянула в пустую чашечку. Попросить, что ли, еще?

– Почему для этой... миссии вам нужна только я и никто другой? Вы думаете, я способна повлиять на Анджея? Вы ошибаетесь – на него и в лучшие времена никто не мог повлиять...

Петер раздраженно пощелкал кнопкой – в комнате стало тихо, экран монитора погас, унося с собой тайну кровяного давления Анджея Кромара и температуры его тела, и еще множества показателей, в которых Ирена, не будучи врачом, ничего не понимала...

– Отправьте лучше роту десантников, – порекомендовала Ирена серьезно.

Петер засопел. Встал, прошелся по узкому коридорчику между приборами, характерным жестом потирая ладони:

– Видите ли... Во-первых, мы исходим из того, что господин Анджей, мягко говоря, не в себе от пережитого потрясения... И женская мягкость здесь куда уместнее грубой силы. Во-вторых... вернее, это во-первых и в-единственных... Внутри модели ведет один лишь канал. По иронии ли судьбы... или по странному умыслу господина Анджея... или еще по какой причине – но это ВАШ канал, Ирена. Никого, кроме вас, модель непустит.

– Можно еще кофе?

– Пожалуйста...

Завертелось кофейное зерно, обращаясь в пыль. Зашипела, давясь собственным паром, кофеварка.

Славный же спичечный городок соорудил ее старый друг...

Он всегда добивался своего. Всегда; ни один его экстравагантный поступок не поддавался предсказанию. На месте господина Петера она бы никогда не связывалась с...

Хорошо давать другим советы. А она сама?! Возможно, тысячи женщин время от времени повторяют друг другу: на месте этой дуры Хмель я никогда бы не...

– Где находится модель?

– Что? – господин Петер почему-то вздрогнул.

– Где находится эта его модель?

– Видите ли...

Тонкая шоколадная струйка лилась в фарфоровые недра чашечки.

– Видите ли... никто не в состоянии ответить на ваш вопрос. Мы контролируем ВХОД в модель, тот самый канал...

Ирена молчала.

– Госпожа Хмель. Не знаю, как вы это себе представляете... Дело в том, что в ходе эксперимента Анджею Кромару удалось смоделировать самодостаточную, саморазвивающуюся... реальность. Только помните – вы давали подписку о неразглашении!!

Автомат выплюнул последнюю каплю свежего кофе.

Ирена молчала.

* * *

Она была тогда на третьем курсе. Единственная среди всех девчонок – замужем.

...О самоубийстве одноклассницы Владки она узнала в полдень. И надо же, только вчера пришло последнее Владкино письмо – совершенно спокойное, веселое, безмятежное...

Самолет вылетал в девятнадцать ноль-ноль, раз в два дня, но именно тот день как раз был днем рейса; Ирена кинулась в кассу – билетов на сегодня не было. Никаких; не помогла телеграмма, которую она совала в окошечко – билетеры сочувственно вздыхали и разводили руками. Все места заняты. Абсолютно все. Брони не будет, берите билет на послезавтра...

Тогда она позвонила Анджею на работу. Она поступала так только тогда, когда иного выхода не было.

«Перезвони через полчаса»...

Она перезвонила.

«Есть. Я подвезу тебе билет прямо к рейсу. Жди в аэропорту в шесть»...

Преклонение перед ним на какое-то время поборол даже шок от трагического известия. Она кинулась домой, бросила в сумку необходимые вещи и поспешила в аэропорт.

В шесть часов посадка была в самом разгаре.

Ирена стояла с сумкой в одной руке и телеграммой в другой, растеряно оглядывалась, выискивая среди толпы знакомое невозмутимое лицо...

В полседьмого объявили, что посадка закончена.

В семь самолет улетел.

Она постояла еще какое-то время, будто надеясь, что самолет, спохватившись, вернется. Потом побрела на остановку автобуса...

Анджей был дома. Сидел за компьютером и даже не заметил Ирениного возвращения. В окошке монитора плавала сложная трехмерная конструкция – Анджей в экстазе вертел ее то так, то эдак; в прихожей, под зеркалом, сиротливо лежал авиабилет на сегодняшний рейс...

Некоторое время спустя Ирена узнала, что Владка покончила с собой из-за постоянных размолвок с мужем.

«...Ничего особенного. Просто очередная моделька».

* * *

Она вытащила черепаху из-под дивана и водрузила на подушку под лампой. Черепаха не обрадовалась и не огорчилась – закованная в латы рыцарская морда оставалась бессмысленной и бесстрастной.

Во дворе Сэнсей перемалывал зубами куриные кости; слабо дымил костер из остатков хвороста.

«Мы примем все меры к тому, чтобы ваше... путешествие было как можно более безопасным. Почти таким же безопасным, как катание на лыжах с гор... То есть вероятность какой-нибудь случайности есть всегда... Но мы сделаем все, чтобы исключить такую вероятность...»

Я подумаю, твердила она, как заводная. Ей хотелось домой, в одиночество.

«Ваша задача предельно проста – вы войдете в мир... предположительно он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени... Точка вашего входа будет соответствовать местоположению модельатора. Вы войдете с ним в контакт. В случае благоприятного исхода... вы понимаете, все мы надеемся именно на благоприятный исход... Так вот, в этом случае эксперимент будет немедленно свернут и вы вернетесь автоматически – вместе с модельатором. В случае же... мы всё обязаны предусмотреть... если вы не найдете модельатора, или если его состояние окажется необратимым... Тогда вы снова воспользуетесь своим индивидуальным каналом. Место вашего входа вы используете как выход. Вашему здоровью ничего не грозит... Вы проведете внутри модели не более нескольких часов, а в реальном времени – меньше получаса...»

Я должна подумать.

Соседские дети гоняли мяч посреди пустынной дороги. Жена соседа время от времени требовала прекратить безобразие; вот мяч перелетел через Иренину калитку – следом опасно заглянул лохматый щуплый пацаненок, Валька, старший соседский сын.

– Сидеть, Сэнсей, – сказала Ирена помрачневшему псу.

Валька осмелел. Перемахнул через забор, подобострастно улыбнулся Ирене и, уже выбравшись обратно, показал Сэнсею длинный издевательский язык:

– Бе-е-е...

Проехала, отчаянно сигналив на футболистов, чья-то незнакомая машина. Жена соседа выскочила на улицу и от угроз перешла к делу; мальчишки завопили.

Ирена поворотила угли.

Если бы она решилась иметь ребенка от этого сумасшедшего... Нет. То есть, конечно, малыш бегал бы и прыгал через заборы наравне с этими сорвиголовами – но тогда бы она была связана с Кромаром чем-то куда более весомым, нежели просто воспоминания...

Половину из которых хорошо бы навеки забыть.

«Ирена... Я не говорю о вознаграждении, которое назначит вам Комитет. Я просто взываю к вашему благородству... Вы ведь благородный человек. Кризис эксперимента повлечет за собой... к сожалению, пострадают совсем невинные люди. У нас есть последний шанс...»

Я должна подумать.

«... И ведь какой толчок для творчества!.. Вы связаны подпиской о неразглашении... Но, творчески переработав... вы могли бы написать фантастический роман. Согласовав сюжет с Комитетом... у нас есть каналы для быстрого издания, распространения, популяризации... это был бы перелом вашей писательской карьеры... Не говоря уже о незабываемом впечатлении... Вообразите себе, что вам предложили бы слетать в космос. Неужели вы отказались бы?!»

Она вернулась в дом. Легла на диван и натянула плед до самого подбородка.

Под стулом бесформенной горкой лежала распечатка ее неоконченной повести. Написанной процентов на шестьдесят – и вдруг оказавшейся ненужной, неправильной, бесперспективной...

А чего, собственно, ей надо? Чтобы ее узнавали на улицах? Чтобы ее имя стало паролем? Чтобы отхватить хоть раз в жизни Серебряный Вулкан в номинации «повесть»?

Она поискала взглядом черепаху. Не нашла; устало заложила руки за голову.

Ей хочется, черт подери, иметь повод для гордости. И она желает, чтобы ее право на эту гордость признали...

Ирена поморщилась.

Вот уже недели две она не бралась за работу. И называла это «отдыхом»...

Зачем Анджею понадобилось отправлять ей ту открытку? Учитывая, что вот уже пять лет, как они умерли друг для друга?..

Вошел, открыв лапой незапертую дверь, молчаливый Сэнсей. Положил морду на край пледа, поднял на Ирину вопросительные глаза.

– Посмотрим, – сказала она шепотом. – Мне надо еще немножко подумать.

* * *

Экспертов было человек пять. Все лошечные, партикулярные, наперебой благоухающие одеколонами; всех по очереди представили Ирене – но она, конечно же, ни одного имени не запомнила.

– Сверим часы...

Господин Петер нервничал и пытался скрыть свое волнение. Ирене было его немножечко жаль.

– Итак. Двенадцать тридцать четыре, мы находимся непосредственно перед входом в канал... В двенадцать сорок пять госпожа Хмель войдет в пространство модели. К сожалению, мы не сможем напрямую пронаблюдать за ее действиями... Однако госпожа Хмель прошла необходимый инструктаж и способна справиться со своей миссией совершенно самостоятельно...

Петер говорил и говорил, наблюдатели молча кивали.

– Аварийный выход не предусмотрен? – небрежно спросил самый пахучий из них, представлявший, кажется, какой-то секретный отдел президентской администрации. – К примеру, если контактерша не вернется через энное количество часов...

Господин Петер потер ладони:

– Господа... Мы обязаны предусмотреть всё. Мы и предусмотрели всё... что в наших силах. К сожалению, специфика работы с моделью... Однако, время! Госпожа Хмель...

Ирена посмотрела на круглый циферблат, установленный над железной мрачного вида дверью. Двенадцать сорок пять...

Господин Петер нервничал все сильнее. Угрюмый молодой человек в спецовке техника – но с физиономией опытного телохранителя – ловко отпер все навешенные на дверь замки.

Эксперты запереглядывались. За дверью начинался узкий грязный коридор, причем из глубины его ощутимо тянуло кошачьей мочой.

– Удачи, госпожа Хмель... Ваша новая книга будет иметь феноменальный успех!..

Ирена шагнула через высокий порог. Такое впечатление, что этажом выше сейчас разбранится визгливая соседка, а из под ног с мявом шарахнется...

Полная темнота. И беззвучие.

Глава вторая

* * *

По широкому изгибу трассы ползли навстречу друг другу две машины – желтая и белая. С такого расстояния обе казались симпатичными игрушками; вот они разминулись, разъехались, не оглядываясь, в разные стороны...

Ирена поехала. Ветер был сырым и прохладным.

В стороне, под холмом, отрешенно бродили два десятка вислобрюхих коров. Ирена перевела взгляд; роща была почти сплошь желтой, посреди улицы гоняли мяч голосистые ребята, а из трубы Ирининого дома поднимался квёлый дымок...

Она вздрогнула. Тряхнула головой.

«Моделятор должен находиться в непосредственной близости – таковы конструктивные особенности канала... Немедленно приступайте к поискам. Используйте все ваши знания о модельере – вероятно, модель во многом носит отпечаток его личности...»

Справа и слева торчали из земли два толстых прута с навязанными на них красными лоскутками. Так на скорую руку ограждают промоину на обочине или незакрытый канализационный люк...

Ирена шагнула вперед. Скрипнули под ногами камушки.

Оглянулась.

Теперь два прута напомнили ей самодельные ворота для дворового футбола. Сомнительно, правда, чтобы соседские дети карабкались на вершину холма, решив сыграть тут пару матчей. Тем более что мяч здесь катится в одном направлении – вниз...

Она переступила с ноги на ногу, в который раз осматривая до боли знакомый пейзаж.

Что ж. Часть дела сделана, теперь надо подумать...

Дымок из трубы ее дома понемногу иссякал.

Старый тополь рос не справа от ворот, а слева. Обнаружив это, Ирена некоторое время стояла, не в силах сдвинуться с места.

«Пребывание в ткани модели совершенно безопасно для здоровья»...

Ветер пах осенью. Калитка скрипела уютно и привычно; Ирена медленно провела рукой по доскам, убеждаясь, что это не голограмма и не иллюзия. «Ткань модели»?..

Нет, она обдумает все это потом... Когда сядет за компьютер и выведет белым по синему: глава первая...

– Сэнсей?

Движение в будке. Показалась одна лапа, другая...

Он ПРОСПАЛ ее появление?!

Радостный визг. Пес прыгнул ей навстречу – заспанный, странно маленький, со свалывшейся шерстью, неухоженный...

– Сэнсей, это ты?!

Визг. Порядочные собаки, перешагнувшие порог совершеннолетия, обычно не позволяют себе подобных звуков.

Или он очень уж соскучился?

– Сэнсей, в доме посторонние?

Никакой реакции. Умильные глаза.

Входная дверь была отперта. Более того – белые щепки на пороге и судорожно высунувшийся язычок замка свидетельствовали о том, что в дом вошли не вполне мирным путем...

Разумеется. У Анджея нет ключа, но если он хочет пройти – остановить его невозможно...

– Глазам не верю! – она встала посреди прихожей, скрестив на груди руки. – Ты же клялся, что никогда в жизни сюда не явишься!

Молчание. Непривычный запах – не то ощущается чужое присутствие, не то сам дом пахнет по-другому...

Ирена ревниво огляделась. Нет, все знакомо. Все, до последней черточки...

А вот этого пятна под дверью – его не было. Что он тут разлил? Чернила? Машинное масло?

– Анджей, – сказала она резко. – Выходи.

Молчание.

Она распахнула дверь в гостиную; в камине дымился пепел. Кресла перед круглым столом были коричневые, а не синие; Ирена сжала зубы.

– Анджей!

Содержимое камина ее удивило. Какие-то обуглившиеся лохмотья...

На кухне она снова обнаружила следы чужого присутствия. Длительного, беспорядочного, совершенно неучтывого; Сэнсей бегал за ней, как хвостик, и в преданных глазах его не было ни капли раскаяния.

– Сэнсей, как же так?! Пришел чужой человек... как ты допустил?

Радостное повиливание хвостом.

– А где он сейчас? Где он?

Пес побежал ко входной двери. Ирена выскочила следом; соседские ребята все еще гоняли мяч перед воротами.

– Валька!

Она невольно вздрогнула. Подбежавший вихрастый пацаненок был старше, чем она ожидала увидеть.

– Валька, где господин Анджей... где дядя, который тут был?

Мальчишка смотрел непонимающе.

– Полчаса назад. В доме. Был дядя. Вы с ребятами не видели, куда он ушел?

Валька невесть с чего застеснялся. Поворошил пыль носком выдавшей вида кроссовки:

– Так ведь... тетя Ирена... Разве ж это были не вы?..

* * *

Они поженились скоростижно и без всяких церемоний. Говоря обязательное «да», Ирена страшно переживала из-за туфель со сбитыми набойками: все случилось так внезапно, что она не успела навестить сапожника...

На другой день она привела молодого мужа в компанию собственных однокурсников. По такому случаю холл в общежитии был освобожден от мебели, а три двери, снятые с петель и уложенные на табуретки, образовали подобающий случаю стол. Девчонки стряпали сутки напролет; Ирена надела некое подобие подвенечного платья, что до Анджея – он был в тот день особенно обаятелен. Ирена чувствовала себя немножко фокусником – будто везла не показ однокурсникам праздничный фейерверк в коробке...

Еще в такси она взяла с него слово не упоминать о духовом оркестре под окнами Ивоники – чтобы не травмировать бедного парня... Анджей был покладист, весел и шутил так, что даже таксист – Ирена видела – судорожно пытался запомнить его шутки, чтобы потом огоршить приятелей...

Приехали. Сели за стол. Ирена видела, какими глазами смотрят на Анджея ее однокурсницы – предвкушая обещанного джина в бутылке...

Выпили за новобрачных – и с этого момента Анджей замолчал.

Он сидел рядом с молодой женой, во главе стола – и мрачнел на глазах. Смотрел в скатерть перед собой, отмахивался от тостов, бормотал, злобно шурился на бокал с шампанским. За столом понемногу установилось недоуменная тишина; Ирене казалось, что ее жарят на медленном огне. Белая блузка безжалостно оттеняла пунцовую шею, пунцовые щеки, горящие уши; подруги принужденно шутили, завистницы демонстративно смотрели в потолок, а парни хмурились и все чаще выходили покурить...

Наконец, Анджей поморщился, как от кислоты. Встал с бокалом в руке; за столом воцарилось напряженное молчание. Анджей обвел присутствующих угрюмым взглядом – и спросил, нервно постукивая костяшками пальцев по краю стола:

– Кстати, а что вы думаете о смертной казни?..

С тех пор эта фраза стала на курсе паролем. Когда сказать было нечего, спрашивали, многозначительно переглядываясь: «А что вы думаете о смертной казни?..»

Ирена убежала с праздника раньше времени. Анджей догнал ее на улице, долго молча шел рядом и вдруг заговорил – странно. Сначала ей показалось, что он наизусть цитирует каких-то забытых поэтов – но потом она поняла с суеверным ужасом, что муж ее попросту просит прощения, и его уложенные в ритм признания есть не просто зарифмованный текст – пугающие в своем совершенстве стихи...

Он говорил весь вечер. Когда они пришли домой и легли в постель. Когда они... Впрочем, это было уже без слов. И наутро – а утро, как ни странно, все-таки наступило – никто из них не смог вспомнить ни строчки. Как будто ничего не было; Ирена плакала со злости, и, утешая ее, он виновато пожимал плечами:

– Сиюминутное – не восстановимо...

– А что ты думаешь о смертной казни?! – спрашивала она сквозь раздраженные слезы.

Он пожимал плечами:

– Сейчас – ничего.

* * *

– ...Анджей!

Дом молчал, но Ирена и не ждала, что он ответит. Дом был пуст, ее зов звучал по инерции, для самоуспокоения...

Она прошла по комнатам. Остановилась в кабинете, присела на край дивана, провела рукой по складкам пледа.

Достала из сумки записную книжку. Аккуратно написала под рисунком горящего замка: «В доме никого нет. Кресла не синие, а коричневые. Дверь открыли ломиком. Собака не злая... и неухоженная. Черепахи нет. В доме кто-то жил.»

Перечитала написанное. Поморщилась. Нет, за такое Серебряный Вулкан не дают...

...Время?

Прошло около часа с тех пор, как она увидела две машины, ползущие навстречу друг другу на широком изгибе трассы. И теперь, восстановив перед глазами эту картину, вдруг нахмурилась.

Она спрятала записную книжку, поднялась и направилась в гараж.

Машина была на месте. Грязная, с забрызганными глиной бортами, и это поразило Ирену даже больше, чем непривычная форма крыши.

Потому что ее привычная машина вдруг оказалась по-верблюжьей горбатой. Так же как и те, желтая и белая, что она видела с холма...

Она постояла, переминаясь с ноги на ногу.

Потом достала записную книжку и дописала под горящим замком: «Машины не такие. И моя тоже. Она горбатая. И грязная.»

Прерывисто вздохнула. Посмотрела на часы.

– Анджей...

Там, откуда она пришла, прошло семь минут. Вероятно, эксперты многозначительно переглядываются, делая вид, что хоть толику понимают в происходящем. А господин Петер – тот трет ладони, сдирая с них белую кожу...

В принципе, она прямо сейчас может подняться на холм и пройти в те импровизированные ворота. Господин Петер будет в отчаянии; впрочем, материала на рассказ уже хватит. Или ее не устроит Серебряный Вулкан в номинации «рассказ»?

Она усмехнулась. Что, если эта сволочь, мастер по моделькам, сейчас наблюдает за ней – неким хитрым модельторским способом?

– Анджей, – сказала она устало. – Ты меня утомил.

Календарь висел на обычном месте – в спальне; календарь открыт был на картинке «декабрь».

Она опустила на краешек кровати. Достала записную книжку – но писать ничего не стала.

Какие будут варианты?

Господин Петер напичкал ее наркотиками, и теперь она живет внутри большой галлюцинации... Тогда все понятно. Только какого пса?..

Она раздраженно отбросила подушку. С обратной стороны наволочки обнаружилось продолговатое бурое пятнышко; Ирена брезгливо поморщилась.

Какого черта она дала втравить себя в это сомнительное предприятие? Тем более что в нем замешан Анджей...

А вот интересно... где-то она читала о методе, позволяющем отличить галлюцинацию от правды...

Она зевнула. Кровать почему-то не внушала ей доверия – возможно, из-за пятна, которого на ЕЕ наволочке никогда не было. Придерживаясь за скрипучие перила, Ирена спустилась в кабинет, включила компьютер в надежде отыскать на диске собственное великое произведение – но не нашла. Ничего из свежих вещей, даже неудачной неоконченной повести...

Она легла на диван, натянув плед до подбородка.

Слышно было, как в прихожей стучит хвостом Сэнсей.

Надо подумать. Немного времени... Связать. Осознать. Дайте мне подумать...

Модель. Это все – МОДЕЛЬ?!

Она потянулась к телефону. По памяти набрала номер долговязого профессора восточной литературы. Ожидая связи, усмехалась про себя. Надо же... Сейчас проверим...

– Ирена?! Вы уже вернулись, вот здорово!

Она села на диване, бездумно кутаясь в плед.

– Как я рад вас слышать! Ваши студенты вас ждут... В то время как Карательница стоит на ушах, потому что триместр уже пять недель как начался... Ирена, как съездили?

– Хорошо, – сказала она удивленно. – Спасибо...

– Когда вас ждать? С впечатлениями, с сувенирами? – голос профессора сделался игривым.

Ирена сглотнула:

– Собственно... а когда удобнее?

– Завтра, конечно, сразу же приходите в институт, не стоит давать Карательнице лишнего повода... Возможно, лучше ей прямо сейчас позвонить...

– Да-да... – пробормотала Ирена по инерции. – Да... я тоже рада... вас слышать.

– Может быть, расскажете вкратце? – профессор заулыбался в трубку.

– Нет... извините, я очень устала... Завтра.

– Хорошо... Тогда до завтра. Всего хорошего...

– Всего... и вам... тоже... того же...

Она перевела дыхание.

Это уже интереснее. Это по-прежнему – МОДЕЛЬ? Смоделированный профессор?

Она опять-таки по памяти набрала старый телефон Анджея. Вот поди ты, и забыть-то не удалось...

Никто не брал трубку. Ирена призадумалась – и вспомнила еще два телефона, по которым Анджей когда-то обретался.

Тот же результат. Длинные гудки.

Через несколько часов стемнеет. Да, стемнеет, потому что... как там говорил профессор? Триместр уже пять недель как начался? Октябрь...

Страх был ледяным и внезапным. Рубашка мгновенно прилипла к спине – как она позволила себя втянуть... почему она просто не отказалась сразу же?! Теперь... это галлюцинация – или она «в ткани модели»? Над кем здесь проводят эксперимент?!

Из-под дивана выползла черепаха. Покосилась на Ирену бессмысленным блестящим глазом; Ирена автоматически включила настольную лампу, уложила черепаху на подушку...

Время начала эксперимента – декабрь. Правильно, и календарь в спальне говорит о том же... Эксперимент длится ТАМ месяц, а ЗДЕСЬ – десять. Все сходится...

А кто, спрашивается, все это время кормил Сэнсея и черепаху?!

Когда стемнеет, идти к воротцам на холме нет резона – можно с легкостью сломать шею. Значит, за оставшиеся несколько светлых часов просто необходимо отыскать Анджея... Почему он сбежал при ее приближении? Играет в кошки-мышки?!

Ирена прошла по кабинету. Ты дома, говорили глаза, но все остальные чувства не особенно этому верили. Следовало бы пойти на кухню и открыть банку каких-нибудь консервов – но мешала мысль об учиненном чужими руками беспорядке. О разбросанной утвари, о грязной посуде, о каких-то тряпках в углу...

Тряпки. Она почесала кончик носа.

...Содержимое камина в гостиной представляло собой груды пепла с непрогоревшими кусочками ткани. Что это была за ткань и почему Анджей ее жег?

И был ли это Анджей?!

Она прокляла свою заторможенность. «Тетя Ирена, а разве это были не вы?»

В тот момент она решила, что маленький соседский Валька балуется, либо фантазирует, либо видел что-то не то...

Что он видел?! Что, если в этой... модели живет смоделированная Андеем Ирена?..

Она перевела дыхание. Прошла в кухню; в дальнем углу имела место куча неопределенного назначения лохмотьев. Впрочем, у Ирены не было охоты особенно их разглядывать...

Морщась от отвращения, она выгребла тряпки во двор и сбросила в мусорную яму. Пусть этот дом смоделирован, пусть он ненастоящий – но допускать в свою кухню неаппетитный хлам Ирена не желала.

Посреди двора она остановилась, раздумчиво уставилась на тополь. Ладно, если допустить на минутку, что никакой МОДЕЛИ нету и господин Петер попросту оглушил ее на десять месяцев, и она только теперь пришла в себя... Если допустить, что это возможно – тогда почему тополь растет не справа от ворот, а слева?!

Насколько МОДЕЛЬ реальна? Где ее границы? Профессор, например, существует? Или существует только его голос в телефонной трубке?

В задумчивости она вернулась в дом, подошла к телефону и набрала номер Карательницы.

– Наконец-то, госпожа писательница, вы соизволили объявиться...

Из трубки, казалось, вытекали ледяные сквозняки. Карательница даже не считала нужным язвить; равнодушная холодность в ее голосе предвещала самые большие из всех возможных неприятностей.

Ирена отстраненно выслушала пассаж о недобросовестности и безответственности и сообщение о том, что ее, госпожи Хмель, увольнение есть вопрос почти решенный. Интересно – сама ли Карательница дышит сейчас в трубку, или презрительный голос ее моделируется на уровне электронных импульсов?..

– ...за версту не подпускать к педагогике. И это всё, госпожа Хмель, вам ясно?..

– Хотите, расскажу анекдот? – предложила Ирена задумчиво. – Прибегает студент в медпункт: скорее! Там госпожу Карательницу укусила гадюка!.. А медсестра ему эдак флегматично: я этой гадюке уже ничем помочь не смогу...

Короткие гудки. Оказывается, в трубке вот уже минут пять никого нет – она говорит в пустое пространство...

Ирена аккуратно положила трубку на рычаг.

Во время так называемого инструктажа она не раз и не два спрашивала у господина Петера: насколько МОДЕЛЬ реальна? И всякий раз получала один и тот же невразумительный ответ: не более, чем всякая модель... хотя, гениальность господина Анджея заключается именно в том, что модель, как бы это сказать точнее... многофункциональна, внутренне непротиворечива и в некотором роде самодостаточна... Современное состояние науки, говорил, маясь, господин Петер, не позволяет полноценно работать с таким уровнем моделирования. Господин модельатор, возможно сам не осознает... что этот колоссальный успех равносителен сокрушительному поражению...

Закурлыкал телефон. Ирена машинально подняла трубку:

– Аллю!

Молчание. Тишина.

– Аллю, я слушаю!

Короткие гудки.

* * *

Было время – она как раз училась в аспирантуре – когда Анджею вдруг наперебой стали звонить молоденькие девушки. И в комплекте с ними молоденькие ребята; Ирена несколько раз пошутила на эту тему, но Анджеем шутки не понял. В тот период он вообще не понимал шуток; Ирена не знала, что ей делать – ревновать или насмехаться, или сделать вид, что ничего не происходит...

Потом эти девочки-мальчики разом объявились у супругов в доме – их было десять человек, Ирена оставила всякие попытки напоить гостей чаем и только удивленно наблюдала, как юнцы волнуются, будто перед экзаменом, медитируют по углам и передают друг другу какие-то скверно изданные брошюры...

Потом она ненадолго уединилась на кухне – и, вернувшись, застала среди гостей живописную свару. Двое парней удерживали третьего, но это не была обычная драка – рядом прыгала девчонка с веревочным хлыстом в руке, нещадно хлестала кресло, орала, требуя от парня каких-то признаний, выкрикивала непонятные вопросы; еще двое девчонок застыли по обе стороны двери, сжимая пластмассовые пистолеты, а прочая компания забилась под стол и оттуда напряженно наблюдала за происходящим...

Анджей стоял, скрестив руки на груди, и казался довольным.

Сумасшедшее действо продолжалось часа три; наконец юнцы и юницы выдохлись и, опять-таки отказавшись от чая, разошлись.

– Ты бы мог хоть раз смоделировать что-нибудь полезное? – спросила она, когда закрылась дверь за последним гостем.

Он поднял бровь:

– Что, например?

– Спокойную жизнь, – сказала она устало. – Хоть месяц. На море. В уединенном месте, в домике на берегу, и чтобы орали одни только чайки...

– Хм...

Он собрался и ушел, и она решила, что он обиделся. Но уже на завтра был поезд, а еще через день она потрясенно бродила по маленькому домику, проверяла ногой температуру морской воды и придирчиво изучала содержимое холодильника:

– Анджей... Видишь ли... Зачем же воспринимать все так прямолинейно?!

Он кидал в море камушки – и не замечал ее благодарной улыбки.

Думал о своем.

* * *

На журнальном столе она обнаружила декабрьскую газету. Просмотрела – и, потрясенная, едва не села на черепаху.

Газета «Вечерний город», знакомая до последней рамочки, спокойная консервативная газета показалась ей развернутым заключением судебно-медицинской экспертизы.

«Извлеченное из колодца тело находилось в четвертой стадии разложения и носило на себе следы...»

«...Новые жертвы. Их приметы: мальчик около десяти лет, с признаками насильственной смерти, блондин, был одет...»

«Мы не должны отворачиваться. Ни безразличность, ни страх, ни равнодушие... каждый, хоть раз преступивший проведенную обществом черту – будет настигнут правосудием при активной помощи... Ты и твой сосед – никто не останется в стороне, и только тогда...»

И наконец:

«Вчера в Ратуше состоялось заседание городского совета. Рассматривались вопросы финансирования правоохранительных структур... новых источников пополнения городской казны... утвержден законопроект, согласно которому будет налажена целевая продажа осужденных – предприятиям и организациям для соответствующих целей, в том числе... расширены мотивационные списки к передаче приговоренных к смерти граждан в пользование гражданам с гемоглобиновой зависимостью... при условии соблюдения... рассмотрению в каждом отдельном случае.»

Ирена отложила газету. Взяла снова, посмотрела на число, изучила состав редколлегии, прочитала адрес редакции и типографии, многочисленные технические данные...

Если модель носит на себе отпечаток личности модельера, то что же случилось в Анджеем в последние перед экспериментом месяцы?..

Она спохватилась. Глянула на часы; скоро стемнеет. Модельер не появился, ее миссия на грани провала, и все сильнее болит голова...

Затявkal во дворе Сэнсей. Не залаял – именно затявkal, как распоследняя болонка...

Интересно, измененный характер Сэнсея – тоже отпечаток неясных желаний ее бывшего мужа?!

Посреди двора соседский Валька пытался отобрать у Сэнсея палку. Пес мотал головой, Валька азартно сопел; секунда – и палка полетела далеко в кусты, а за нею с тывканьем погнался довольный волкодав...

При виде Ирены Валька смутился. Сунул руки в карманы, принялся ковырять землю носком кроссовка.

– Валечка, – сказала она как можно спокойнее. – Скажи, пожалуйста... Вы газеты получаете?

Пацан кивнул.

– А ты не мог бы... принести мне на минутку какой-нибудь последний номер? Я только посмотрю...

Сэнсей в кустах орудовал палкой, как бульдозер ковшем.

– Я подожду, – сказала Ирена мягко. – Поиграю пока... с собачкой. Да?

Валька метнулся за калитку. Минут пять Ирена думала, что он не вернется – но одновременно с визгом Валькиной сестры и звуком разбитой бутылки из соседского двора выскочила маленькая вертлявая тень.

Вечерело. Ирена с трудом разбирала текст; газета была спортивная, но всю последнюю страницу занимали сообщения в плотных рамочках: приговоры, приговоры, приговоры...

– Спасибо, Валечка, – сказала Ирена каким-то не своим, противно-елейным голосом. – А скажи – ты в школу ходишь?

Валька кивнул.

– А Сэнсея, когда меня не было, кто кормил?

Валька застенчиво улыбнулся.

– Ты?

Кивок.

– А кто в моем доме был, ты не видел? Тетя? Или дядя?

Пацаненок помрачнел. Принялся ковырять кроссовком, провел в пыли перед собой неровную черту.

– И ты будешь жить в этом ненормальном мире? – шепотом спросила Ирена, обращаясь не столько к мальчику, сколько к себе. – Моделька...

Валька быстро стрельнул глазами. Опустил голову.

– Ну, ты заходи как-нибудь, – деревянным голосом предложила Ирена. – Заходи... с собакой поиграешь... чаем угощу...

Валька кивнул, не поднимая глаз.

– Ну, беги...

Пацаненка словно ветром сдуло. Спортивная газета так и осталась у Ирены в руках.

Неудобно...

Она положила газету на лавочку перед соседскими воротами.

Анджей, Анджей...

Преодолевая внезапно навалившуюся усталость, Ирена переступила порог как бы своего дома. Побрела в как бы свой кабинет, опустилась на как бы знакомый диван...

Все, господин Петер. С меня хватит.

А нечего было заваривать всю эту кашу. «Возникают проблемы, в том числе этические... Модель многофункциональна, внутренне непротиворечива и в некотором роде самодостаточна...»

Без меня.

Ирена потянулась к телефону. В последний раз – наугад – набрала один из номеров господина Кромара; пусто. Возможно, он специально заманил ее в свой сумасшедший мир – и теперь злорадно наблюдает?..

«К сожалению, господин Петер, выполнить ваше задание не представляется возможным... Что, попробовать еще раз? Нет. Ни второй, ни третьей попытки не будет. У меня другая специальность... Я не секретный агент, я преподаю литературу. На новую повесть материалов мне достаточно, – а роман пишите сами, господин Петер, пишите в соавторстве с сумасшедшим Анджеем Кромаром, я даже готова уступить вам свой Серебряный Вулкан...»

Вечерело. Еще полчаса – и она не отыщет в темноте два прутика с навязанными на них красными тряпочками...

Сколько времени прошло ТАМ? Час? И эксперты все так же переглядываются, и все так же нервничает господин Петер...

Она поднялась. Включила свет в прихожей, отыскала на вешалке свою старую спортивную куртку – на холмах сейчас холодно...

«Ни в коем случае не пытайтесь пронести обратно любые предметы из смоделированной среды...»

Куртку она потом выбросит.

Черепуху жалко. Прихватила бы с собой... А Сэнсея не взяла бы в любом случае. Это совсем другой пес, чужой пес, ему и здесь неплохо...

Всё.

Ирена поправила на боку сумку и распахнула входную дверь.

Сразу несколько фонариков ударили лучами ей в лицо, ослепили, заставили споткнуться на пороге.

– Не сопротивляйтесь... Это полиция. Поднимите руки.

* * *

Так, ослепленную и растерянную, ее доставили в тесное помещенье с жесткой койкой и оставили на ночь. Давая себя обыскать – непривычная, невероятная процедура – она отрешенно думала, что сейчас все равно темно. И прутиков на вершине холма не отыскать без прожектора...

Сквозь зарешеченное окошко машины она мельком разглядела город. Совершенно привычный. Совершенно такой же, как ТАМ...

Она думала, что не заснет – но стоило голове ее коснуться плоской подушки, как мир – и реальный, и смоделированный – перестал существовать. Обернулся сновидением.

В сновидении был Анджей, но был за гранью видимости. Спотыкаясь, злясь, все более запутываясь, она искала его и звала – но, издеваясь, он ускользал, оставляя только недобрую память по себе, только запах, только колебание воздуха...

И в то же время он был. Постоянно. Рядом, только руку протяни.

* * *

Кабинет следователя был похож на тысячи других кабинетов.

– Госпожа Хмель, вы можете потребовать присутствия адвоката... У вас есть адвокат?

– Зачем? – спросила она после паузы.

– Потому что по закону вам полагается адвокат... – следователь, по-мальчишечьи веснушчатый, не сводил с нее неприятного, сосущего взгляда. – Не знаю, кто бы взялся защищать вас, госпожа Хмель, но при наличии некоторого количества денег...

Он выжидательно замолчал. Ирена пожала плечами:

– А зачем... в чем меня... собственно, обвиняют?

Миновало вот уже двадцать два часа, как она вошла «в ткань модели». НАСТОЯЩЕГО времени – два с небольшим часа. Вероятно, эксперты пьют кофе, а господин Петер не знает, что и думать...

Следователь сдвинул брови:

– Скажите, пожалуйста, госпожа Хмель... Где вы провели последние десять месяцев? Примерно с десятого декабря?

Она молчала. Она сидит здесь и все глубже впутывается в этот бред, в то время как на холме ждет ее путь ДОМОЙ...

– Госпожа Хмель, вы вспомнили?

– В командировке, – сказала она глухо. – А в чем дело?

– Где? Видите ли, это очень важно... Кто отправил вас в командировку? Ведь институт не отправлял...

– Творческая командировка, – сказал она уже тверже. – Я писатель...

Следователь кисло поморщился:

– Я знаю... Кажется, даже что-то читал... да, интересно, впечатляет... И все же: где вы были? Кто вас там видел? Не сохранились ли у вас билеты, к примеру, на поезд? Визитки из гостиниц?

– А в чем дело? – тупо повторила Ирена.

Следователь вздохнул:

– Дело в том, что наш отдел ведет дело о серийном убийце. Дело в том, что в районе за последние два месяца убиты трое детей – по всей видимости, одним человеком... По всей видимости, не из корыстных побуждений. И, вероятно, убийца – женщина.

– При чем тут я? – спросила Ирена после паузы.

Следователь посмотрел совсем уж мрачно. И положил перед ней на стол протокол, как выяснилось, обыска – обыска в ее доме.

В ее смоделированном Анджеем доме.

В подвале – топор со следами крови.

В камине – остатки сгоревшей одежды...

В мусорной яме – тоже одежда, с пятнами крови.

В машине – курточка, принадлежавшая мальчику, который был убит три дня назад... И его же правый ботинок.

Машина – это вообще особый случай. Кроме глины, налипшей на колеса, кроме пятен крови в багажнике – еще и характерная вмятина, причем потерянные в столкновении частички эмали остались на месте преступления...

Ирена молчала.

– Госпожа Хмель, вы понимаете всю серьезность... всю доказательность обвинений?..

– У меня алиби, – сказал Ирена и поразилась, до чего удачно вспомнилось нужное слово. – Меня здесь не было... десять месяцев.

– ГДЕ вы были? КТО может подтвердить ваше алиби?

Ирена молчала.

– Соседи видели вас... Три дня назад вас видел соседский мальчик. Стоит ли отрицать?

Он смотрел на нее, болезненно морщась, и Ирена тоже посмотрела на себя его глазами и ужаснулась: а ведь он верит во всю эту муть... Перед ним сидит исчадие ада, женщина, хладнокровно убившая троих детей...

Ирена невольно поежилась. Взгляд следователя присосался плотнее:

– Вы разговаривали вчера с соседским ребенком? С Валентином Ельником, десяти лет?

– Да, – сказала она механически.

– Вы зазывали его в дом? Попить чаю?

Ирена молчала. Теперь она вообще перестала что-либо понимать; под сосущим взглядом ее мысли, традиционно неторопливые, перестали двигаться вообще. Оцепенели.

– ...Госпожа Хмель, вам лучше сознаться сразу. Для пользы дела, для меня и для вас.

– Я невиновна, – сказала она шепотом.

– Вы можете объяснить, где были три дня назад? Месяц назад? Полгода?

Ирена молчала.

Еще вчера... Нет, еще три часа – три ВНЕШНИХ часа назад – она вышла из дома... Их настоящего своего дома... Заперла ворота... Ее провожал Сэнсей – нормальный, строгий волкодав, без колтунов на брюхе и без замашек развеселого пуделя...

Какой черт тянул ее? ЗАЧЕМ она впуталась в...

Мысли еще немного поскрипели и остановились – будто ржавая карусель.

– Госпожа Хмель, ваше молчание не поможет – скорее усложнит... Повторю вопрос: где вы были на протяжении десяти месяцев и кто может подтвердить, что вы действительно там были?

– Я невиновна, – сказала Ирена, и голос ее дрогнул. Следователь подался вперед – вероятно, на своем веку он часто и помногу слышал эту фразу, и теперь ловил в глазах подследственной приметы беззастенчивого вранья:

– А как вы объясните все эти находки – в вашем доме и в вашей машине?

– Я невиновна... Кто-то другой.

– Кто-то другой жил в вашем доме и пользовался машиной?

– Да...

– Вы понимаете, что это звучит неубедительно?

Она понимала.

Она разглядывала собственные ладони, но перед глазами у нее стояли две вешки на холме – два прутика, вроде как самодельные футбольные ворота...

Интересно, если корова пройдет – господин Петер с экспертами получит в лаборатории корову? Нет... Канал работает только на нее, на Ирену, именно так устроил этот мир господин модельатор – вольно или невольно...

– Я невиновна, – сказала она, не поднимая глаз. – Мое алиби... может подтвердить господин Анджей Кромар.

* * *

Она воспользовалась правом на телефонный звонок. Единственный.

И набрала номер Анджея.

Длинные гудки. Пять, десять, пятнадцать...

– Еще один, я не дозвонилась! – в отчаянии сообщила она следователю.

Тот нахмурился:

– Пробуйте... в течение минуты.

Она смотрела на телефон, перебирая в уме все известные ей номера; время уходило.

Она набрала номер долгового профессора восточной литературы; занято. Короткие гудки...

Что за трагический балаган...

Она набрала телефон Карательницы – и почему-то сразу успокоилась. Происходящее внутри модели – не более чем игра, в реальной жизни она ни за что не додумалась бы до столь оригинального хода...

– Это госпожа Хмель, – сообщила она в ответ на равнодушное «Алло». – Я звоню из полиции... меня подозревают в том, что я маньячка. Не могли бы вы объяснить этим людям, что я...

Она запнулась. И молчала секунд десять – пока Карательница без единого слова не положила трубку на рычаг.

* * *

По счастью, в камере она была одна. И ей хватило времени для раздумий; она лежала на жесткой койке, натянув до подбородка серое казенное одеяло.

Анджей смоделировал все это... с целью, которая известна самому Анджею. Еще, возможно, господину Петеру, но Ирине почему-то слабо в это верилось. Анджеем смоделировал... вот что означала открытка: «Ну, я пошел... Привет». Одна открытка – та, которую Ирена обнаружила в своем почтовом ящике. Другая...

Тоже открыточка. Напоминание.

«Внутри модели ведет один лишь канал. По иронии ли судьбы... или по странному умыслу господина Анджея... или еще по какой причине – но это ВАШ канал, Ирена. Никого, кроме вас, модель не впустит...»

Хорошо. Анджеем оставил эту лазейку, зная, вероятно, что в критической ситуации господину Петеру ничего другого не останется, как зачихнуть туда ничего не подозревающую Ирену... В то время как выход из ее персонального канала ведет напрямик в мышеловку. Дом, начиненный уликами, мир, начиненный правосудием... Это что, маленькая месть?!

Ирена села на койке.

Их с Анджеем расставание выглядело прилично и скромно. Без скандалов и без громких сцен; все, что говорится в таких случаях, было давно сказано. Она сама, первая, подала на развод; она понемногу освобождалась от ороговевших частичек бывшей любви – почти безболезненно, обычная гигиеническая процедура...

Что до Анджея, то он был увлечен очередной идеей и, кажется, не сразу заметил, что жены рядом больше нет.

Впрочем, через месяц он явился к ней без спросу – напряженный и злой. Сунул ей в руки букет шипастых роз, повернулся и ушел, бросив через плечо, как проклятие: «Я буду тебя помнить»...

Лучше бы он забыл. Потому что если все, что случилось с ней, не цепь случайностей, а заранее спланированная расправа...

Вот ведь вопрос – неужели человек, с которым она прожила долгих семь лет, способен на такое?

Ответ – да, если этот человек Анджеем Кромар.

Он на все способен.

Ирена устало закрыла глаза.

* * *

...На турбазу она ехала неохотно – но Анджею вдруг захотелось «настоящих гор». Ирена терпеть не могла гор – может быть поэтому они почти каждый день ругались, и исключительно по пустякам...

В то утро они повздорили особенно крепко. А уже через час оказалось, что маленький автобус, везущий туристскую группу к развалинам древней военной дороги, совсем не готов к тяготам горной трассы.

За перевалом отказали тормоза. А туристы, из которых половина была младше десяти, не сразу сообразили, в чем дело – дорога летела навстречу все быстрее и быстрее, камни, стволы высохших деревьев, ухабы и кочки, и в большом зеркале – белые от ужаса глаза водителя...

Ирена не успела ничего понять толком – именно замедленная реакция сохранила ей нервы, удержав от мгновенной паники.

Они проскочили один за другим два улавливающих тупика – возможно, водитель просто не успел их заметить...

Крик. Дикий ор из двадцати глоток.

– Сидеть!!

Водитель вдруг оказался на полу в проходе – Ирена запомнила его лицо. Резиновое, как у игрушечной рыбы.

Автобус неся, грохоча всеми своими железными, не созданными для гонок потрохами; матери вцепились в детей, желая обволочь их живой броней, заключить в себя. Полет в никуда, полет, переходящий в падение...

Потом все кончилось. Автобус замедлил ход, задрезжал, остановился.

Ирена вцепилась в поручень. Место рядом с ней пустовало, и пустовало давно...

Анджей обернулся из водительского кресла.

Спинка кресла была разорвана, из прорехи свисал неопрятный клочок ваты. Анджеем молча запикивал его обратно, в оболочку из дерматина – в то время как его левая рука все еще не решалась отпустить баранку...

Последовали плач, истерический смех и всеобщее братание. Почти все сидения в салоне оказались мокрыми. Туристы целовались и плясали среди неопишуемой красоты гор, в тишине, рядом с пойманным в тупик автобусом; два десятка людей водили хороводы вокруг своего спасителя, а двое сидели в стороне – водитель, по-прежнему серый лицом, и Ирена, до которой только сейчас ДОШЛО...

После этого происшествия они с Анджеем жили душа в душу – целую прекрасную неделю.

* * *

На другой день ей предъявили официальное обвинение.

– Я невиновна, – повторила она, как заклинание.

Ее не слушали.

Еще спустя полчаса она встретила со следователем. Следователь был мрачен.

– Вы подумали об адвокате?

– Нет...

Молчание. Следователь перебирал бумаги – откровенно бессмысленно. Чего-то от нее ждал.

– Итак... госпожа Хмель. Когда вы в последний раз видели господина Анджея Кромара? Вашего бывшего мужа, который, по вашим словам, может подтвердить ваше алиби?

Вашего, вашим, ваше... Следователь делал на этих словах неясное, двусмысленное ударение.

– Некоторое время назад, – сказал Ирена. – Я не помню точно...

Следователь уперся взглядом ей в лицо:

– Вынужден вас огорчить. Господин Анджеем Кромар вот уже почти месяц как мертв – несчастный случай, автокатастрофа...

Она молчала.

За спиной следователя, в узком окне, голубел лоскуток осеннего неба.

– Госпожа Хмель, я предполагаю, что, апеллируя к господину Кромару как к свидетелю вашего алиби, вы знали о его смерти... Вы хотите запутать следствие таким бесхитростным приемом? Стоит ли?

– Этого не может быть, – сказала она медленно.

Следователь поморщился:

– Госпожа Хмель...

– Этого не может быть! Еще позавчера он был... я слышала...

Она прикусила язык. По здешнему времени это было с месяц назад... С месяц?!

Размеренный пульс Анджея в динамиках.

– Автокатастрофа?!

Нет, надо подумать.

Она согнулась над столом. Скрючилась, пряча от следователя свое лицо.

– Госпожа Хмель, мне жаль, если вы действительно не знали... Возможно, я допустил бестактность... Но, может быть, есть еще кто-нибудь, кто может подтвердить ваше алиби?

Она молчала.

На канцелярский стол капали, вопреки ее воле, тяжелые беспомощные слезы.

* * *

Вечером ее вызвали из камеры, но не на допрос. В маленькой комнатухе обнаружился долговязый профессор восточной литературы.

– Ирена, наконец-то!.. Вы плохо выглядите... Нет, не падайте духом. Это уж-жасное недо-разумение будет разрешено в течение нескольких дней... Да, да. Воспринимайте все это как набор материала для новой повести...

Она криво улыбнулась.

– Вся кафедра... да что там, весь институт... убеждены в вашей невинности. Решается вопрос об адвокате...

Он вдруг прервал свой жизнеутверждающий стрекот. Кашлянул, оглянулся на молчаливого следователя, подался вперед:

– Ирена... видите ли... Поскольку дело все-таки серьезное... Попробуем пригласить Упыря? Это дорого... но, в конце концов, если он возьмется... дело можно считать решенным. Я понимаю, предубеждения, возможно, суеверия... но лучшего адвоката на сегодня нет. Это было бы... понимаете?

– Спасибо, – сказала Ирена с тяжелым вздохом. – Приглашайте кого хотите.

Возможно, профессор удивился – но скрыл удивление за радостной ухмылкой:

– Вот и ладненько... За собаку не беспокойтесь – ее забрала Карательница. Вместе с черепахой.

Ирена помолчала. Почесала переносицу:

– «Я уже этой собаке ничем помочь не могу»...

– Нет, нет! – профессор заулыбался. – Видите ли... перед лицом несправедливости кафедра сплотилась, как никогда. А Карательница... она, оказывается, любит животных. И она уже вымыла вашего Сэнсея шампунем от блох...

Профессор нахмурился. Вероятно, вспомнил, что во время десятимесячного предпологаемого вояжа Иренина собака была практически брошена на произвол соседей.

Стыдно...

Ирена опустила голову:

– Передавайте ей мою благодарность...

Посмотрела бы она на Карательницу, скребущую щеткой того, НАСТОЯЩЕГО Сэнсея. Она хотела бы на это посмотреть.

* * *

...Может ли модель погнубнуть внутри модели, будто червяк в яблоке? Вероятно, может. Но может ли в таком случае модель продолжать свое существование, как ни в чем не бывало?

Ирена лежала на койке, до подбородка натянув серое одеяло. Перед сном ей пришло в голову перечитать бездарные строчки в собственной записной книжке – и, скорбно покачав головой, она уверилась, что новой повести не будет.

Прошло, по ее подсчетам, около шестидесяти часов со времени ее входа в модель. Значит, эксперты утомились и ужинают. Значит, господин Петер продумывает аварийные варианты...

Сворачивайте, господин Петер, думала она, ворочаясь на койке. Сворачивайте к черту эту дурацкую МОДЕЛЬ. Потому что если Анджей действительно... если его нет – то и моя миссия не имеет смысла. А если...

Она закусила губу. Зачем следователю врать ей? Незачем... А зачем Анджею притворяться мертвым?

А зачем?..

Разве можно знать заранее, что взбредет на ум Анджею?

...Однажды – на пикнике, на пляже – он пронырнул под водой в заросли камыша и оттуда наблюдал, как вся компания во главе с Иреной ищет его, понемногу трезвея, а потом впадая в истерику, как они зовут, мечутся, прощупывают шестами дно...

Ирена помнила, как белый песок перед глазами становится черным. Что это такое – черный песок...

Вероятно, он хотел пошутить. Он хотел спрятаться всего лишь на минутку – но там, в камышах, его посетила очередная гениальная идея, и он немножко забыл и о времени, и о приятелях, и о жене...

Так чего можно ждать от такого человека?!

Ирена вздохнула сквозь зубы и натянула на голову казенное одеяло.

* * *

Следователь показал ей фотографии с места преступлений. Она глянула мельком – и в ужасе отвернулась:

– Нет... я не могу на такое смотреть.

Следователь скептически поджал губы:

– Вы действительно столь чувствительны?

– Вы меня не заставите смотреть на это, – повторила она, чувствуя, как немеют щеки от отлива крови. – Это...

Она замолчала.

Что же ты сляпал, чудовище?! Не оправдывайся, что, мол, в нашем «внешнем», настоящем мире и не такое бывает... Ты слепил МОДЕЛЬ – ты отвечаешь за это... за эти фотографии тоже...

Ирена подняла глаза к белому потолку. Как будто ожидая встретить насмешливый взгляд бывшего мужа.

– Я невиновна, – повторила она через силу. В сотый, наверное, раз.

Следователь смотрел внимательно, и впервые за все время их знакомства его взгляд не был сосущим. Тяжелым – да, но на дне глаз появился... вопрос, что ли. Как будто он допустил вдруг в свое сознание крамольную мысль: а что, если она не врет?..

* * *

Ее ввели в маленькую комнатку, где вчера поджидал ее профессор восточной литературы; она обрадовалась было новой встрече – но оказалось, что в кожаном кресле сидит теперь совсем другой человек.

Охранник проводил ее – и вышел. Ирена изумленно оглянулась – за прошедшие несколько дней она почти привыкла, что наедине ее оставляют только со следователем...

– Добрый день, госпожа Хмель... Присядьте, пожалуйста.

Она опустила в кресло напротив. Человек молча разглядывал ее – не считая нужным прятать изучающий взгляд за подобие вежливого разговора.

Ему было лет сорок. Очень гладкая кожа, очень жесткие блестящие волосы, очень чисто выбритые щеки. Свежий, отдохнувший господин. Как после лыжного курорта...

И в то же время в нем было что-то от Анджея. Любопытство исследователя. Бескорыстная любознательность, обаяние прозектора. Искренняя симпатия к препарлируемому существу.

Они молчали минут пять.

– Меня зовут Ян Семироль. Возможно, вам приходилось слышать мою рабочую кличку – Упырь. Я адвокат... Ваши коллеги, среди которых есть известные и уважаемые люди, попросили меня взяться за вашу защиту.

Ирена молчала. Ухоженный и красивый господин Семироль внушал ей безотчетную тревогу. Понемногу переходящую в страх.

– Мои услуги дорого стоят, – адвокат усмехнулся. – Кроме того, прежде чем браться за дело, я должен ознакомиться и с материалами, и с обвиняемым... Ваши материалы я видел. Теперь хочу с вами поговорить.

Ирена опустила голову:

– Я невиновна.

– Должен вас огорчить. Огромное множество обвиняемых говорит то же самое... Итак. Вы отсутствовали десять месяцев. Почему вы не хотите сказать, где вы были?

Ирена помолчала.

За долгие часы, проведенные в камере, она успела придумать несколько вариантов ответа на этот вопрос. Самый простой был – сослаться на амнезию, потерю памяти, ведь, если верить телесериалам, около половины взрослого населения любой страны теряют память хоть раз в жизни...

Но, во-первых, какому-нибудь медику наверняка удастся поймать ее на вранье. А во вторых... эта версия как бы лишала Ирену права голоса. «Я никого не убивала» – «Откуда вы знаете? Вы ведь потеряли память!»

Она поежилась. Ей невыносима была сама мысль, что кто-то – пусть даже этот вот адвокат – считает ее способной на ТАКОЕ... Более того, реально ЭТО совершившей...

Время шло. Адвокат ждал ответа.

– Это моя личная... тайна, – сказала Ирена глухо. – Я... не могу ответить на этот вопрос.

Адвокат кивнул – как будто немотивированное упрямство подследственной доставило ему удовольствие:

– Ладно... Вы часто моете руки?

Она молчала, сбита с толку.

– Ну, после того, как прикоснетесь, скажем, к дверной ручке... есть желание вымыть руки с мылом?

– Иногда есть. Иногда нет... Если ручка не грязная...

– Почему у вас нет детей?

Она содрогнулась. Адвокат смотрел ей прямо в глаза – ровно и безмятежно. И требовательно.

– У меня еще будут, – сказала она, отворачиваясь. – Мне только чуть за тридцать...

– А почему вы не обзавелись потомством раньше?

Ирена знала, что через полчаса после окончания разговора ей придет на ум остроумная отповедь наглему. И знала, что сейчас нечего и пытаться – ничего путного она из себя не выдавит...

– Ладно, – адвокат снова кивнул, как будто ее молчание послужило для него ответом. – Расскажите мне теперь, как вы со своей стороны представляете случившееся с вами. Вы ведь не признаете вины – какое-то оправдание случившемуся у вас есть? Вас оговорили? Подстроили? Враги? Недоброжелатели?

– Я не знаю, – сказала Ирена устало. – В моем доме кто-то был... перед моим приходом... жег тряпки в камине... я думала, что это мой бывший муж...

– А соседский мальчик видел вас. Вернее, он видел тетю, похожую на вас...

– Пока вы со мной разговариваете, – сказала Ирена устало, – настоящая маньячка ходит вокруг того дома... И каждую минуту может кого-то убить.

– Это было бы вам на руку, – серьезно сообщил адвокат. – Если бы убийство из этой же серии повторилось, пока вы за решеткой – это был бы весомый аргумент в вашу пользу...

Ирене захотелось ударить его по лицу.

Потому что вспомнился вихрастый Валька – как он заглядывает за забор... опасливо косясь на Сэнсея...

И эти фотографии – те, что показывал ей следователь...

Она молчала. Она ни разу в жизни так никого и не ударила. Разве что Анджея – после того случая на пляже...

– Скажите, госпожа Хмель... Вы испытывали сексуальное наслаждение при интимном общении с вашим супругом?

Ирена молчала, разглядывая свои ладони. Надо же – а так, на вид, вполне благопристойная линия судьбы...

– Мне надо подумать, – сказала она угрюмо.

Даже видавший виды адвокат, кажется, удивился:

– Да? А мне казалось, что эта информация давным-давно обработана... Впрочем, извините.

Он задал еще несколько вопросов – Ирена отвечала односложно, всячески уворачиваясь от изучающего взгляда. Усталость пригибала ее к земле. Невыносимая усталость.

Наконец Семироль замолчал. Станным движением коснулся рта – как будто утирая с губ остатки кефира. Задумался, вперился в собеседницу раздумчивым взглядом – словно щеголь, мучительно размышляющий, какой галстук надеть на сегодняшний раут. Нелегкий выбор...

В какую-то секунду Ирена ощутила себя грузиком на чаше весов – а что находится на другой чаше, знает только господин препаратор. И выжидает, пока плечики весов перестанут колебаться...

– Хорошо, госпожа Хмель... Вернее, хорошего, надо сказать, мало... Я не могу взяться за вашу защиту. Ваши друзья будут огорчены.

Она так удивилась, что даже заглянула ему прямо в глаза:

– Вы думаете... Вы не верите в мою невиновность?!

– Я профессионал, – господин Семироль ясно улыбнулся. – При чем тут «веришь – не веришь»... У меня совсем другие критерии.

– Но ведь... – начала Ирена шепотом. – Я действительно... я могу быть с вами откровеннее... Да, я испытывала сексуальное удовольствие... и хотела ребенка, но Анджей...

Семироль смотрел на нее, печально покачивая головой:

– Не надо. Я узнал все, что хотел. Ваша откровенность либо неоткровенность тут не при чем... Увы. Прощайте.

* * *

Следователь не смотрел на нее. И говорил сухо, равнодушно; несмотря на ее запирательства, дело движется к развязке. Общественность требует наказания убийцы, все журналисты

города на ногах; к сожалению – из-за недобросовестности некоторых сотрудников – фотографии из материалов следствия стали достоянием прессы...

Она молчала. Вероятно, отказ господина Семироля от ее защиты равнозначен был обвиняющему персту: виновна! Ирена ничего не могла понять: она всю жизнь считала, что чем лучше адвокат, тем сложнее дела, за которые он берется...

Вероятно, профессор восточной литературы потрясен не меньше. А Карательница... что ж, всякий раз, ставя миску перед приемышем-Сэнсеем, она будет говорить что-то вроде: «Собака за хозяйку не в ответе»...

– Поразительно, – сказала она вслух. – Неужели я так похожа на маньячку?

Следователь взглянул на нее мельком. Отвернулся:

– Вы неоткровенны со следствием. Вы сами отягощаете свое положение...

– Мне дадут адвоката? – спросила она еле слышно.

Следователь поморщился:

– Безусловно... Но, поскольку Упырь отказался вас защищать, а после его отказа ни один частный юрист за дело не возьмется... На суде вас будет защищать наш штатный адвокат, у которого нет другого выхода – это его работа... Послушайте, но почему же вам не сознаться?!

– Потому что я невиновна...

Он посмотрел на нее внимательнее. Она не отвела взгляда:

– Вот вы... верите? Что я сделала то, в чем меня обвиняют? Действительно верите?

Он пожевал губами. Симпатичный, в общем-то, веснушчатый парень. Мог бы встретиться ей на улице или в кафе – и тогда они весело раскланялись бы, поговорили о погоде, может быть, она подвезла бы его до угла...

– Вы не похожи на убийцу, – сказал он нехотя. – Хотя все факты против вас.

– Не похожа?

– Нет.

Ирена вздохнула.

Решение пришло к ней сегодня ночью. Она поднялась с койки – и больше уже не могла уснуть. Ходила по камере взад-вперед – под утро в глазок заглянул удивленный сторож...

Единственно правильное решение. Но все равно – трудно выговорить.

– Я... сознаюсь, – сказала она через силу. – Я сознаюсь и хочу показать место, где лежит еще одна жертва...

Следователь поперхнулся. Несколько секунд она глядела в его стремительно стекленеющие глаза.

Ему трудно было сдерживать эмоции. Но он справился.

* * *

Уже через полчаса Ирена могла наслаждаться видом несущихся навстречу тополей.

Они ехали к ее дому. Окошко в машине было маленькое и зарешеченное, но Ирена все равно узнавала знакомые места – кофейню под красной крышей... Плавный изгиб трассы, пропасть, из которой утром поднимается туман...

Они остановились около ее ворот. Соседский забор едва не обваливался под грузом Вальки с братьями. И почему они не в школе?..

Она вдохнула ветер с запахом палых листьев. После долгого сидения в запертom помещении он казался райски свежим – а ведь, если задуматься, всего лишь противный сырой сквозняк...

– Там, – она показала рукой. – на холме. Я поведу.

Они сопровождали ее плотной толпой. Думали, что она убежит?..

Время от времени она ловила взгляды. И ежилась сильнее чем от ветра. Ничего... ничего... скоро все это кончится...

Наверное, им противна была ее бодрость. Она так радостно и энергично взбирается в гору – чтобы поскорее показать безвестную могилу убитого ею ребенка?!

Она остановилась на вершине холма. Лихорадочно огляделась.

Вялая трава усеяна была коровьими лепешками. Вот! Из земли торчал прутик с тряпочкой, потемневшей от дождей. А рядом...

Рядом лежал другой. Переломанный. Вероятно, вислобрюхая буренка не больно-то считалась с условностями...

Она удержала себя. Если кинуться сразу – возникнут подозрения, ее схватят, шагу не дадут ступить...

Осторожненько, по маленькому шажочку, она приближалась к порушенным воротцам.

По миллиметру... Сейчас...

Господин Петер!! Вот я...

Она зажмурилась.

Ничего не произошло. Ветер по прежнему пах листвой и навозом. И рядом стояли, курили, переглядывались ее мрачные сопровождающие.

Она заставила себя открыть глаза. Огляделась; все правильно. С этого самого места она впервые увидела две машины, ползущие навстречу друг другу...

«Канал открыт в любое время. Воспользоваться им можете только вы. При незначительном отклонении канал сам отыщет вас – отклонение не должно быть больше метра...»

Она потрогала уцелевший прутик.

– Это неправильно...

– Здесь? – холодно спросил следователь. – Здесь копать?

– Это неправильно, – сказал Ирена, глядя прямо в его сосущие глаза. – Это неправильный мир... Его нет. Это модель. Вы все модель. Вас придумал Анджей!..

Соседские ребятишки с интересом смотрели, как ее, скованную наручниками, выкрикивающую бессмысленные фразы, ведут к машине.

Глава третья

* * *

Психиатрическая экспертиза признала ее вменяемой. Медицинская комиссия признала ее здоровой.

Ирена приложила все усилия, чтобы поскорее забыть подробности и первой, и второй. Вы МОДЕЛЬ, с улыбкой говорила она врачам и санитарам. Ничего не могу с этим поделать. Вам обидно, но это так: вы – лишь тени других людей. Вы – представление Анджея о том, какими должны быть люди... Не обессудьте.

Ее сочли симулянткой.

Назначен был день суда; Ирена наслаждалась временным покоем. Ее не тревожили ни врачи, ни адвокаты, ни следователь. Натянув до подбородка серое казенное одеяло, она перечитывала записи в записной книжке и даже сподобилась на новую: «Весь мир есть тень...»

Фраза поразила ее своей оригинальностью.

Думать о том, почему не сработал канал, скоро наскучило. Не сработал – и не сработал. Дело житейское. Возможно, нечто подобное случилось с Анджеем. Он попал под каток собственной выдумки – не смог остановить им же запущенный волчок...

Думать о том, мертв Анджей или имитировал собственную смерть, она избегала. Так или иначе скоро все разъяснится. То, что Ирену ждет смертный приговор, ни у кого не вызывало сомнений; она, в свою очередь, не сомневалась, что Анджеем, если он жив, никогда не допустит такого расклада. Если модельер жив – то только затем, чтобы наблюдать за пойманной в ловушку Иреной. Если это изощренная месть – за что?! – то всего, что уже случилось с ней, достаточно для удовлетворения самого больного самолюбия. И до созерцания ее казни Анджеем вряд ли дойдет. Хотя, опять же, кто его знает...

Вероятность того, что Анджей действительно мертв, Ирена в расчет не брала.

Зал суда хранил следы былого величия. С потолка слепо глядели облезлые барельефы. За длинным столом сидели люди в темных одеждах, за чьими-то затылками возвышались высокие спинки кресел, – Ирена подумала, что это по-своему красиво. Лет сто назад, наверное, бархат на подлокотниках выглядел совсем свежим...

В зале было полным-полно народу. Отдельно сидели родственники погибших детей – в их сторону Ирена с самого начала решила не смотреть. Там была ее мертвая зона; очень скоро она начала ощущать ее, будто больной клочок собственного тела. Онемевший и воспаленный. Ее взгляд притягивался к этим неподвижным людям, но ужас посмотреть им в глаза был сильнее.

По всему залу рассыпались репортеры. Ирена болезненно щурилась от вспышек; репортеры представлялись ей иголками, снующими сквозь тишину и ропот, тянущими за собой нитку предстоящих сенсационных материалов...

То ли в зале недоставало света, то ли перед глазами у Ирены стоял полумрак – но необыкновенно трудно было различать лица. А она высматривала, упорно высматривала, преодолевая резь в глазах – высматривала...

Кого?

Анджея Кромара. Кого же еще?..

Среди свидетелей были как совсем незнакомые люди, так и собственные Ирины соседи. Мальчику Вальке пришлось подставить под ноги скамеечку – иначе его голова не поднималась над трибуной для свидетелей.

– Я видел тетю...

– Это была госпожа Хмель?

Мальчик застенчиво улыбнулся.

Иренин адвокат неохотно поднял руку:

– Вопрос... Свидетель Валентин Ельник УБЕРЕН, что в тот день на глаза ему попала именно его соседка, а не другая женщина, проживавшая в том же доме?

А ведь вопрос с двойником мы так и не продумали, мысленно обеспокоилась Ирена. За время, проведенное в беседах с собой, она привыкла считать себя эдаким ходячим консилиумом. «Мы продумали», «мы решили»...

– Свидетелю Валентину Ельнику десять лет, – сухо заметил судья. – Его показания могут быть приняты к сведению – однако полностью полагаться на них...

– А может, и другая тетя, – легко согласился Валька. – Темно было...

По залу пронесся ропот. Иренин адвокат вздохнул – ему поперек горла встал весь этот процесс. Как строить защиту, если подзащитная с идиотским упрямством отказывается давать простейшие сведения – о месте своей «командировки»?! Процесс был изначально проигран. Адвокат маялся: удар по карьере. На него сознательно сбросили бесперспективную, грязную работу, от которой отказался даже Упырь...

Ирена закусила губу.

Посреди наполненного зала имелось лысое пятно. В центре пятна сидел, закинув ногу на ногу, холеный господин Семироль.

И никто не садился рядом с ним. Два кресла справа были пусты, и два кресла слева были пусты, и перед ним, и за его спиной... В то время как в проходе скрипели приставными стульями, переминались с ноги ногу те, кому не хватило мест...

Ирена жалостливо взглянула на своего адвоката.

Нельзя так демонстративно расписываться в собственном бессилии. Как ассенизатор, вздернувший подбородок среди кучи дерьма: вы хотели видеть, как я вспотею, занимаясь ЭТИМ?! Дудки, я даже и не попытаюсь!..

И все-таки. Почему оказаться рядом с Яном Семиролем не решаются даже ко всему привычные репортеры?..

В дальнем углу зала сидела ее кафедра в полном составе. Во главе с Карательницей. Ирена по-прежнему плохо видела лица – но чувствовала взгляды...

Ближе к концу слушания ее коллеги стали по одному подниматься и уходить. И это поразило ее больше, чем ненавидящие лица осиротевших родственников. Чем равнодушные адвоката. Чем напор молодого, агрессивного прокурора.

Больше, чем напряженная пустота вокруг Семироля.

Они не настоящие, говорила она себе. Те, настоящие, остались во внешнем мире... И они никогда бы не поверили, что я...

Последним ушел профессор восточной литературы. Бледный, потерянный – впрочем, Ирена с трудом различала его поверх множества голов...

Объявили перерыв до завтра.

Ирену увели из ее клетки в тесную комнатку с голыми стенами и плюшевым диваном, и рядом оказался потный и злой адвокат, и тогда она бесхитростно спросила у него: почему рядом с Семиролем никто не садится?..

Адвокат задумался. И кисло сказал, что подаст протест.

Ирене стало смешно. Что же, к чистенькому господину по кличке Упырь в судебном порядке будут подсаживать соседей?..

Ночь она провела, глядя в потолок.

А завтра адвокат действительно начал с протеста:

– Защита требует удалить из зала господина Семироля, поскольку он присутствует здесь не из профессионального, а из совсем другого, корыстного и антигуманного интереса... Своим

присутствием господин Семироль оказывает моральное давление на суд и угнетающе действует на обвиняемую!

– Он еще и не так подействует, – довольно громко сказала женщина в темном платке, возможно, мать одного из погибших мальчиков. В зале зароптали.

– Протест отклонен, – нервно сообщил судья. – Слушание открытое, и нет такого закона, по которому господин Семироль не имеет права присутствовать на нем, подобно любому гражданину... В противном случае речь идет о дискриминации...

Судья осекся и пожевал губами, как бы сожалея о сказанном. Закончил тоном ниже:

– ...Дискриминации по... биологическому признаку.

В зале сделалось тихо.

– Богатый вампир упырем не считается, – насмешливо сказали в этой тишине. Свободное пространство вокруг господина Семироля увеличилось на еще несколько стульев – он, впрочем, и ухом не повел.

«Богатый вампир упырем не считается»...

Ирена все еще переживала отступничество родной кафедры. Именно отступничество – потому что поверить в данном случае означает предать... «Богатый вампир упырем не считается». Что-то ей напомнила эта фраза... Что-то давно читанное...

– И, наконец, признание самой обвиняемой, от которого она впоследствии отказалась...

Ропот в зале.

– Отказавшись признать собственную вину... отягчив тем самым...

Она перестала слушать.

Потому что все устали и хотят есть. Потому что, несмотря на всю сенсационность дела, откладывать слушание на завтра скорее всего не станут – слишком все ясно... Слишком хочется финала, результата...

Что ж. Теперь она со знанием дела сможет писать детективы. Издатель останется доволен...

Она криво улыбнулась. Забыла позвонить литагенту. Может быть, внутри МОДЕЛИ у издателей другие запросы?

Вряд ли...

Она встретила взгляд господина Семироля.

И невольно содрогнулась.

Он больше не походил на Анджея. Он... Почему он так смотрит?!

Будто бы ощутив ее внезапный страх, Семироль отвел глаза.

«Богатый вампир упырем не считается».

Преуспевающий адвокат по кличке Упырь.

«...присутствует здесь не из профессионального, а из совсем другого, корыстного и антигуманного интереса...»

Об этом надо подумать. Об этом определенно надо подумать...

– Подсудимая Хмель! Ваше последнее слово!

Она поднялась раньше, чем сообщила, чего от нее хотят. И с минуту простояла столбом в напряженной тишине.

Собственно, о чем ей говорить?

«Ваш мир – МОДЕЛЬ»?

«Все вы – плод фантазии моего сумасшедшего мужа»?

«Я человек из другого мира, как вы можете меня судить»?

Она глубоко вздохнула – и посмотрела в тот угол зала, где сидели родственники жертв.

Ее передернуло, но она нашла в себе силы заговорить:

– Я...

Окаменевшие лица. Ненавидящие глаза. И как некстати – воспоминание о тех фотографиях, что подсовывал ей следователь, тех жутких фотографиях...

– Я невиновна... Это не я! Честное слово!..

Ее голос утонул в возмущенном гуле толпы.

Только родственники молчали и смотрели.

Поверят?

Нет.

* * *

Ее приговорили к смерти. В мире, смоделированном правдолюбом Анджеем, это оказалось в порядке вещей. Женщина? Ну и что? Убийца, серийная убийца, которую признали вменяемой...

Ее перевели в специальную камеру и выдали специальную одежду. Ей не было страшно – ее мучило тупое, удивленное отвращение.

Интересно, как далеко все это может зайти?

Никогда в жизни, ни за какие коврижки она не согласилась бы писать тюремно-судебные хроники. Как бы ни усердствовал литагент...

Ей предложили просить о помиловании.

– Кого просить-то? – спросила она удивленно. – Вас нет... вы тени... вы МОДЕЛЬ, ясно вам?

Ее оставили в покое. Несколько дней она провела в тупом оцепенении, а потом спохватилась и потребовала правды о своей судьбе: когда?!

Ей ответили уклончиво.

Она попросила принести ей газет за последнюю неделю – и, получив целый ворох разнообразной прессы, ощутила новый шок.

Все газеты – от «Вечернего города» и до мельчайшей бульварной газетенки – посвятили ее делу хоть строчку, хоть врезку. Она узнавала себя на фотографиях – на одних сразу же, на других с трудом. То ли искусство фотографа имело значение, то ли момент, в который работала камера – но казалось, что в одной и той же клетке последовательно сидело несколько разных женщин: одна демонически красивая, с оскаленными мелкими зубами, другая с одутловатым лицом маньячки, третья сонная, четвертая заплаканная...

Ирена достала расческу – пластмассовую, с вялыми зубьями. Все, что имело твердые или острые грани – в том числе зеркальце – у нее изъяли еще в ходе психиатрической экспертизы...

Она расчесалась, глядя на собственную тень. Помассировала щеки. Аккуратно расправила брови. В конце концов, если Анжей наблюдает за ней...

Что за бред. Анжей не бесплотный дух, он не умеет перевоплощаться в других людей, он мертвый, в конце концов... Речь идет о МОДЕЛИ реального мира, а вовсе не о фантастическом романе... Блестящими перспективами которого соблазнял ее когда-то господин Петер...

Самые смелые газеты поместили рядом с ее фотографией украденные у следствия снимки с мест преступлений. Самые умные – прижизненные фотографии погибших мальчиков. В обоих случаях эффект получился убийственный.

Ирена взяла себя за волосы, разрушая свежесозданную прическу. Идиоты! Маньячка-то на свободе... Как там говорил господин Упырь – «вам было бы на руку, чтобы убийства возобновились»...

Маньячка, если у нее есть в голове хоть капля ума, дождется Ирениной казни. И только потом...

– Какая ты сволочь, – сказала Ирена, обращаясь к невидимому Анжею.

Среди газет не было единодушия. Кое-кто из репортеров усомнился, что женщина, сидевшая за решеткой в зале суда, действительно могла совершить все перечисленные преступления. Впрочем, даже сомнение это было деланное, искусственное, призванное оттенить заметку и подчеркнуть индивидуальность ее автора...

А потом ее глаз остановился на небольшой, скромной врезке во все той же, когда-то любимой ею «Вечерке»:

«Анонс!.. По сведениям, полученным из достоверных источников, процедура казни Ирены Хмель будет поручена некоему частному гемоглобинозависимому лицу. Читайте завтра в „Вечернем городе“: вправе ли общество продавать своих смертников вампирам?..»

Ирена проглотила вязкую слюну.

Анджей... Ты что?! Ты с ума сошел? Или это я рехнулась? Или это газеты бредят?..

Она легла на койку, привычно натянула одеяло и погрузилась в сон, как в спасательную шлюпку.

* * *

...Она не знала, с чем это можно сравнить. До знакомства с Анджеем у нее не было никакого чувственного опыта – поцелуй в темном кинотеатре не в счет, а духовой оркестр под окнами Ивоники тем более. Недомолвки в беседах с подругами, да любовные романы, да модные фильмы – вот, в общем-то, все Иренины на тот момент источники...

Сказать «он изобретателен» – значило не сказать ничего.

Будучи в экстазе, он моделировал то языческое жертвоприношение, то негритянский обряд инициации, то интимную жизнь глубоководных рыб; нельзя сказать, чтобы Ирене все это нравилось одинаково, однако и дискомфорта она никогда не ощущала. Он был как хороший актер в роли злодея – зал трепещет, а на теле жертвы ни царапинки...

Будучи просто в хорошем расположении духа, он оборачивал ее своей нежностью, словно махровым полотенцем.

Будучи в задумчивости, он забывал он ней, даже лежа в постели бок о бок.

Однажды он любил ее под аккомпанемент симфонической поэмы, звучащей из динамиков музыкального центра. Случилась богатая прелюдия, занавес поднялся, и действие обещало быть колоритным и пышным – когда дирижер, возлежащий на своей жене, внезапно о чем-то задумался. Она восприняла его задумчивость как драматургическую паузу и некоторое время выжидала нового поворота сюжета – однако Анджей уже сладко спал, забыв объявить антракт...

Она послушала его ровное дыхание, потом аккуратно высвободилась и отключила музыку. Он проспал до утра. Ирена сидела на кухне, пила чай и смотрела на свое отражение в темном окне – пока не рассвело...

Как-то, возвращаясь домой, она обнаружила поджидавшую ее дамочку. Молодую, но не молоденькую, одетую во все синее – синее короткое пальто, синие колготки, синие туфли, шляпка с ярко-синим пером...

– Вы Ирена? – у дамочки были синие глаза, подведенные светло-синим карандашом.

– Я Ирена...

– Я Люсия... Не удивляйтесь. Вы, конечно, можете меня прогнать... Но вам ведь не безразлична судьба Анджея?

Ирена молчала, разглядывая бело-розовое лицо в синем обрамлении.

– Анджей... Видите ли, Ирена. Вы его жена... Вам трудно, я понимаю. Трудно жить рядом с гениальным художником, композитором, писателем... Им нужны специальные жены. Женщины, которые могли бы понять их, пожертвовать, если хотите, своей индивидуальностью, стать отражением, тенью...

– Вы его любовница? – спросила Ирена.

Дамочка вздохнула:

– Я его друг... Чего, к сожалению, нельзя сказать о вас. Вы не смогли стать другом собственному мужу...

– Это он вам сказал?

– Нет, но это же видно... Ирена, поймите... Личность Анджея – слишком большая ценность, чтобы разменивать ее на банальную семейную жизнь. Вы будете с ним несчастливы... вы его не понимаете, не цените. Он будет несчастлив с вами... Вам лучше разойтись. Гению не нужна жена – ему нужен друг, соратник... нянька...

– Надо подумать, – сказала Ирена со вздохом.

И ушла, оставив дамочку с приоткрытым ртом. Очевидно, та еще не все успела высказать. Вечером вернулся Анджей – рассеянный и мечтательный.

– Приходила твоя поклонница, – сказала Ирена после ужина, когда говорить было, в общем-то, уже не о чем.

– Которая? – отозвался Анджей задумчиво.

– Синяя...

– А-а-а... И что?

Ирена подумала.

– Она считает, что я недостаточно с тобой нянчусь...

– А ты считаешь, что достаточно?

Ирена вздохнула:

– Знаешь, у меня рассказ вышел... В сборнике...

– Покажешь?

– Да... Анджей, как ты думаешь, тебе нужна другая жена?

Теперь помолчал он. Что странно – у него-то, в отличие от Ирены, реакция была мгновенная, иногда опережающая события...

– Не знаю, нужна ли мне жена... Но ТЫ мне нужна, Ирена. Вот конкретно именно ты.

* * *

«Вправе ли общество про... сво... смертников вампи..?»

Газета была за позавчерашнее число. Ирена долго добивалась именно этой газеты, в какой-то момент ей подумалось, что охранники скрывают ее, не желая травмировать ее, Иренину, психику...

Как бы не так. Они, оказывается, просто заворачивали селедку. И когда Ирена получила наконец свою газету, половины страниц у нее не было, а оставшиеся воняли рыбой, и часть текста скрывалась под жирными пятнами...

Типографская краска вредна, особенно если глотать ее вместе с пищей.... Охранники никакого понятия не имели о правилах гигиены.

Ирена перевела дыхание. Почему-то вспомнился Анджей, сидящий во главе импровизированного студенческого стола. «Кстати, а что вы думаете о смертной казни?»

Совсем не смешная шутка.

«По све..., добытым из достойных доверия исто... один преуспевающий юри... выложил за приговоренную Хмель кругленькую сумму в...»

Ирена протерла глаза. В такую сумму сложно поверить, вероятно, виновата жирная селедка...

«...городские... потирают ру.., потому что вопросы финансирования... традиционно остры... новые рабочие места... пособия... благоустро... Однако, помня о наказании за тяж-

кие преступле... забыва... если казнь виновного имеет смысл, то передача права на казнь в приватные руки...

«Передача права на казнь в приватные руки».

Анджей, ау! Ты меня слышишь?..

Господин Петер! Что же вы ввали-то?!

«Вы войдете в мир... предположительно, он в точности соответствует нашему, разве что некоторое расхождение во времени...»

Да уж. Соответствует.

«Это был бы перелом вашей писательской карьеры. Не говоря уже о незабываемом впечатлении... Вообразите себе, что вам предложили бы слетать в космос. Неужели вы отказались бы?!»

– Отказалась бы, – сказала Ирена вслух.

Огромный кусок столь важной для нее статьи был оборван вместе со всей газетной полосой. Ей так и не суждено узнать, какие именно аргументы приводит корреспондент в осуждение порочной практики – передачи смертников «в приватные руки»...

Она колотила в дверь сперва кулаками, потом ногой. Наконец, приоткрылось окошко.

– Скажите пожалуйста, – попросила она, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно более дружелюбно. – Кого здесь называют вампирами?

– Я не имею права с вами разговаривать...

Окошко захлопнулось. Удаляющиеся шаги.

* * *

На следующее утро она объявила голодовку, требуя сведений о своей дальнейшей судьбе. Когда? Каким образом? По какому закону, черт побери?!

Уже днем она, проголодавшись, отменила акцию протеста и съела полагающийся сытный обед. Но какие-то чиновничьи шестеренки завертели: вечером к Ирине в камеру явилось некое официальное лицо и ознакомило ее с подшивкой документов.

Все они носили пометку «копия» и отсортированы были в хронологическом порядке. Вот Ирину арестовали... Вот идет следствие... Вот состоялся суд...

Последняя бумажка была самая маленькая, скромная и неприглядная. Ирине пришлось напрягать глаза, разбирая микроскопический шрифт: ордер... согласно законодательству, пункт такой-то... передачу прав... господину Яну Семиролю, как приватному представителю правосудия... с обязательством исполнить приговор в течение трех месяцев...

Официальное лицо удалилось, а Ирена все стояла посреди камеры, сдвинув брови и шевеля губами.

Прошло полчаса, прежде чем ноги ее подкосились.

* * *

Пришли не на рассвете, как велит традиция, а после завтрака. Ирена непонимающе разглядывала хмурых конвоиров, тюремного врача и пару официальных лиц – одно уже знакомое, второе еще нет. Оба лица казались одинаково серыми – под цвет форменных пиджаков.

Врач измерил ей давление и заглянул в горло. Интересно, подумала Ирена отстраненно, а была бы у меня ангина?..

Врач расписался на серой бумажке.

Кто-то из официальных лиц – она не разобрала, кто – еще раз ознакомил ее с содержанием маленького неприглядного документа. При этом лицо, разбирая микроскопические буквы, мучилось так же, как незадолго до того мучилась Ирена:

– «...И осуществить передачу прав, связанных с исполнением правосудия, господину Яну Семиролю как частному представителю правосудия... Вместе с обязательством исполнить приговор в течение трех месяцев...»

Значит, не сегодня, отрешенно подумала Ирена.

После некоторого колебания ей накинули на плечи ватную поношенную фуфайку. Холодно. В конце ноября вести на смерть в одной тюремной робе – бесчеловечно...

Коридор был длинным, как шланг. В тюремном дворе ожидала машина-фургончик.

– И куда вы меня повезете? – спросила Ирена с истерическим смешком.

Ей не ответили.

Она шагнула внутрь железного ящика – двери за ее спиной захлопнулись. На полу, истоптанным сотнями ног, лежал бледный квадратик света – все, что осталось от солнечного ноябрьского дня.

Машина тронулась.

Ирена коленями встала на скамейку – будто ребенок в метро. Приблизила лицо к окошку за частой решеткой.

За грязным клетчатым стеклом мелькали тени. Ирена не могла узнать ни одной знакомой приметы – как будто за время, проведенное ею в тюрьме, город окончательно раздумал притворяться своим. Сбросил маску, предстал во всей своей враждебной отчужденности.

Она устала смотреть. Взобралась на скамейку с ногами – благо машина шла мягко, и ни ухабы, ни резкие остановки узницу не тревожили.

У вампиров – клыки. Вампиры спят в гробах. Когда Ирене было лет четырнадцать, она пересмотрела все доступные фильмы про вампиров...

Окоченевшей рукой она полезла за пазуху. Тюремная роба не имела карманов – но Ирена ухитрилась устроить в ее складках тайник. Не зря в последние дни она так упорно просила на обед остренького – вот они, три отвоєванных чесночных дольки...

Ирена прикрыла глаза – господин Семироль стоял перед ней как живой. Улыбался ли он во время той их единственной встречи? И если улыбался, то открывал ли при этом зубы?..

У нее нет при себе ни одной серебряной безделушки. И осиновый кол, понятно, в камере смертников добыть негде...

Сейчас или потом?

Потом. Она аккуратно спрятала чесночные дольки обратно. Закусила губу.

Иногда вампирами называют – в переносном смысле – стяжателей, негодяев, бесовестных, к примеру, банкиров. Что, если Упырь – всего лишь прозвище корыстолюбца?..

«Частный представитель правосудия». Частный палач, точнее говоря. Интересная практика... Одно дело, когда казнят на площади. Совсем другое дело, когда торгуют ордерами на казнь, будто охотничьими лицензиями...

Анжей, это твоя задумка? Или все же ошибка, побочный эффект, кирпичик, выпавший из своего гнезда и повлекший за собой легкий обвал? Изменивший тем самым всю структуру МОДЕЛИ?..

Машину тряхнуло. Ирена ухватилась за жесткий край скамейки; город остался позади. Они едут около получаса – интересно, где?

Она выглянула снова – и на этот раз видимость оказалась куда лучше. Она даже прищурилась от невысокого ноябрьского солнца, пробившегося сквозь слой пыли на тюремном стекле.

Горы. Машина ползла по горной дороге – но не привычной, в изгибах зеленых холмов и туманом над узкими речками. Эти горы напоминали скорее давнюю поездку на турбазу – высокие и изломанные, лысые, лишенные растительности, холодные и недостижимые...

Она протерла глаза. Ну не было скалистых хребтов в окрестностях города. Не должно быть... Это неправильные горы, вне МОДЕЛИ здесь находится совсем другая местность!.. А интересно, существует ли граница, территориальный предел МОДЕЛИ?

Она живо вообразила себе, как машина пересекает невидимую черту и вываливается из сочиненного Анджеем мира – прямо в толпу уже отчаявшихся, похудевших в ожидании экспертов, в объятия этой безответственной сволочи – господина Петера...

Предполагал ли господин Петер, что события могут повернуться ТАК? Не предполагал – значит некомпетентен. Предполагал, но решил рискнуть? Мерзавец. Гад...

Машина замедлила ход. Остановилась.

Ирена почувствовала, как немеют руки. И ноги превращаются в два ватных бесчувственных мешка.

Уже?!

Голоса снаружи. Человеческая тень на секунду заслоняет солнце; Ирена прилипла к окну, сжимая в потном кулаке свое последнее оружие – чеснок...

Кто-то, кажется, водитель, странно семеня, проследовал к одинокому дереву на краю дороги. Встал в характерной позе, замер, будто тушканчик перед восходом солнца...

Ирена, мысленно плюнув, отвалилась от окна. «Техническая остановка».

А может быть?..

И она забарабанила в стенку кабины:

– Эй! Эй! Выпустите меня ненадолго, мне надо...

Хмурые лица. Недовольное ворчание. Им тоже не по себе – неприятно, видишь ли, везти по назначению смертника, особенно если смертник – женщина...

Да. Вероятно, моделируя эти горы, Анджей сверялся с лучшими видовыми альбомами... Впрочем, что она знает о процессе моделирования? Домики, сложенные из спичечных коробков, давно уже остались в прошлом...

Прищурившись, она огляделась.

Так. Терять ей нечего. Справа стена, слева провал. Крутой, но не отвесный. Можно сломать шею... а можно и не сломать.

Охранников двое. Водитель – третий. У каждого на боку – тяжелая кобура.

Но не лучше ли пуля, чем чьи-то слюнявые клыки?!

– Быстро, – сказал сквозь зубы один из охранников.

Она сделала удивленные глаза:

– Здесь? Дайте хоть за кустик отойти...

– Я тебе отойду, – сказал другой, угрюмый и краснолицый. – Здесь, на дороге...

Она оскорбленно вскинула брови и шагнула по направлению к обрыву.

– Стоять!!

Она остановилась.

В принципе, следовало заголиться и присесть, надеясь, что охранники отвернутся хотя бы рефлекторно.

Ирена вообразила себе, как кидается в провал, подхватывая на ходу спадающие арестантские штаны...

Поморщилась, как от кислого. С отвращением оглянулась на охранников:

– Идите к черту... Поехали. Я передумала.

* * *

Спустя еще час машина остановилась снова. Ирена к тому времени впала в муторное оцепенение – дорога извивалась, как червь на рыболовном крючке, и приходилось бороться с подступающей дурнотой.

Еще одна «техническая остановка»?..

Голоса снаружи.

Она с трудом поднялась со скамейки. Потянулась было к окну – но тут дверь распахнулась, впуская в духоту фургончика ледяную струю изысканного горного воздуха.

Ирена прищурилась, хотя солнце стояло не так уж высоко и светило с другой стороны.
– Выходите...

Оттого, что охранник обратился к ней на «вы», по коже продрал мороз. Она не успела оглянуться, как на запястьях у нее защелкнулись наручники.

Здесь уже лежал снег. И хлестал, как мокрое полотенце, ветер.

Тюремный фургончик нос к носу стоял с другой машиной. Высокой, с широкими рифлеными шинами, с прожектором на крыше – хорошая машина, сразу видно, вездеход...

– ...Распишитесь.

Ирена не сразу узнала господина адвоката Яна Семироля. Вместо элегантного костюма на нем были спортивная куртка и брезентовые камуфляжные штаны, а на голове – лыжная шапочка с изображением желтой смеющейся мыши.

– ...Распишитесь здесь...

Господин адвокат положил на колено картонную папку, вытащил из кармана ручку, блеснувшую на солнце золотым пером, и подмахнул по очереди два комплекта желтоватых документов.

Ирена чувствовала на своем плече лапу краснолицего охранника. Скорее всего, тот имел опыт в подобных процедурах – и перед лицом «приватного представителя правосудия» приговоренные обычно предпринимали отчаянные попытки побега...

Ирена осторожно поднесла к лицу обе руки сразу. Разжала пропахшую чесноком ладонь. Слизнула три теплые дольки. Стиснула зубы, не чувствуя усиливающегося жжения, осторожно принялась жевать.

Отвратительный запах...

Господин Ян Семироль аккуратно спрятал ручку – и только тогда впервые взглянул на Ирену.

Под этим взглядом охранник снял руку с Ирениного плеча. Долго не мог вытащить ключи – кольцо зацепилось за дыру в кармане...

Наручники разомкнулись, высвобождая Иренины запястья.

Семироль улыбнулся, не разжимая губ.

Очень гладкая кожа. Очень чисто выбритые щеки. Здоровый, отдохнувший господин. И, по-видимому, сытый.

– Фуфайку нам бы тоже забрать, – сказал водитель, глядя в снег.

Ирена шевельнула плечами. Ватная ношенная фуфайка упала на дорогу. Вернее, собиралась упасть – но кто-то из охранников ловко ее подхватил.

– Трусливые отморозки, – сказала Ирена, ни к кому конкретно не обращаясь. – Бабы.

– Поехали, – нервно сказал водитель.

Все трое, как по команде, ринулись в кабину. Как будто их подгоняли хлыстом.

Тюремный фургон сдал назад – слишком резко, едва не угодив колесом в провал. Развернулся, выкидывая из-под колес грязный снег и камушки; задымил по дороге, несколько раз подпрыгнул на рытвине, скрылся за поворотом...

– У меня в машине печка, – сказал Семироль.

Ирена не повернула головы.

Уж больно красивые горы. Открыточный антураж для фильма ужасов.

– Вы слышите? Холодно. Садитесь в машину.

А не кинуться ли с обрыва, вяло подумала Ирена.

– Садитесь же.

Она наконец-то увидела распахнутую дверцу. Не чуя ног, подошла. Забралась на сидение, подтянула колени к подбородку.

Семироль сел рядом. Включил приемник; из далекой дали тоненьким голоском задрезжала знакомая певичка.

Елки-палки... Ирена даже помнит ее имя. Имя ОТТУДА, из настоящего, несмоделированного мира...

Семироль разворачивал машину.

Вот здорово, если бы вездеход не удержался на узкой дороге и загремел по камням вниз, размазался бы по живописному заснеженному склону...

Она вспомнила о чесноке.

От с трудом сохраненных долек остался только липкий привкус во рту. Когда, когда, с какого перепугу она проглотила свое последнее оружие?!

– Пристегните ремень...

– Что?..

– Пристегните ремень, это же горы...

Ее руки действовали отдельно от разума. Щелк...

Теперь широкая лента ремня привязывала ее к креслу.

– Вам все еще холодно?

Она поняла, что дрожит. Лязгает зубами с угрозой откусить собственный язык.

– Печка греет вовсю, – Семироль усмехнулся. – Мне вот жарко...

На лбу у него действительно выступил пот. Жесткие волосы, освобожденные из-под лыжной шапочки, стояли дыбом.

– Нам ехать около получаса... Расслабьтесь. Посмотрите, какие красивые горы...

– Ненастоящие, – сказала Ирена равнодушно. – Модель.

– Но красивая модель, верно?

Она быстро взглянула на него. Машина в горах... Руки, легко лежащие на руле...

– Анджей? – спросила она шепотом, сама себе не веря. – Анджей?!

Как, черт возьми, на него похоже... Доводить ее до безумия – и потом появляться из ниоткуда, внезапно, невероятно... Выглядывать из чужой личины...

– Анджей, я ждала чего-то похожего... Но ЗАЧЕМ?!

По щекам у нее, оказывается, уже минуты две безостановочно катились слезы.

Семироль притормозил. Машина дернулась и стала; Ирена прерывисто вздохнула под взглядом цепенящих коричневых глаз.

– Анджей... Ты с ума сошел?! Тюрьма... Ты знаешь?! Как это... экспертиза... что они со мной... и ведь все, как на самом деле. Слишком похоже... на действительность. Суд... Как ты мог додуматься?! Маньячка... почему маньячка? Ты сумасшедший... ты сволочь... Если мстить... за что?! У нас... все тогда случилось правильно... потому что с тобой невозможно жить, ты сумасшедший... Анджей!! Но было же хорошее... столько хорошего было, за что же ты так... почему... обещал, что будешь помнить... лучше бы забыл... Гад! Гад! Ненавижу!..

Семироль смотрел на нее, и взгляд его менялся. Все шире раскрывались глаза, из пристальных делаясь потрясенными; Ирене казалось, что холеное лицо господина адвоката вот-вот треснет, выпуская из-под маски насмешливую рожу ее бывшего мужа.

– Анджей... Эта скотина Петер обещал мне... ПОЛЧАСА!! Только полчаса и совершенную безопасность... Вы с ним в сговоре? Или ты его надул? Анджей... Хватит. Ты уже... ты поиздевался надо мной вволю. Ты перешел все возможные рамки... С меня хватит твоей живодерской модели, я хочу в наш нормальный мир!!

Она захлебывалась слезами. Семироль смотрел, и глаза его были уже угрюмыми:

– Вы меня с кем-то путаете, Ирена.

Она осеклась. Закусила губу, пытаясь остановить собственную истерику.

Солнце, красное, как раскаленная монета, опускалось все ниже. Под порывами ветра раскачивалась автомобильная радиоантенна, и казалось, что машина недовольно шевелит единственным усом.

Семироль молчал – тяжело и мрачно.

– Красивая МОДЕЛЬ, – пролепетала Ирена, будто оправдываясь. – Ты ведь признал это, верно?

Семироль молчал.

– Анджей...

Его тонкие губы чуть дрогнули:

– Меня зовут Ян.

Последовала пауза. Такая долгая, что солнце на полкорпуса успело осесть к зубчатому горизонту.

Шелестел, обтекая машину, ветер. Сквозняком пробирался в щели.

– Ты притворяешься, Анджей, – шепотом сказала Ирена, уже осознавая свою ошибку, но все еще не желая расставаться с только что придуманной надеждой.

– Нет... Я не притворяюсь. Не знаю, что вам привиделось – но я всего лишь Ян Семироль...

Некоторое время она разглядывала его холеное чужое лицо. Потом со страшной силой вломилась в дверцу; дорога ей была одна – в пропасть, и Ирена рвалась, желая немедленно оказаться на далеком каменном дне.

Дверца не поддавалась. Ирена зря издевалась над хромированной ручкой.

– Ну госпожа Хмель... вы же так здорово держались... Потерпите еще немного – сейчас приедем...

Машина тронулась.

Она обмякла, позволяя ремню безопасности вернуть себя обратно в кресло.

– Сейчас приедем, успокоимся, поговорим... Вы любите чеснок? У меня в холодильнике припасено некоторое количество чесночного соуса...

Он замолчал, не отрывая глаз от дороги. Дорога была своеобразная. Для гонок на выживание, для испытаний на крепость нервов.

– Я их не убивала, – сказала Ирена хрипло. – Но я же их не убивала! Я же никого в жизни не убивала... Я бы своими руками... эту убийцу... убила...

– Я не могу говорить, когда за рулем...

– Вы ВЕРИТЕ, что я убийца?!

– Я не могу говорить за рулем...

– Вы же юрист! Вы адвокат, вы должны...

Машина покатила вниз – уклон становился все круче.

За поворотом открылся лес. Деревья затопили собой небольшую низину – закрытый со всех сторон приют.

Гнездо.

Дорога сделалась ровнее и шире. Показалась вырубка.

– У меня здесь маленькая ферма, – сообщил Семироль, выезжая к широким железным воротам. – Вам понравится...

Гребни гор были освещены закатным солнцем.

Ирена подняла глаза – и вдруг узнала живописный пейзаж, когда-то украшавший стену их собственной с Анджеем спальни.

Глава четвертая

* * *

– ...Первое, о чем я вас попрошу – мужество и спокойствие. Все мы смертны, а судьба время от времени оборачивается самыми неприглядными своими гранями... Никто не знает, что будет с ним завтра, а потому расслабьтесь и живите сегодняшним днем...

Ирена глубоко вздохнула.

Здесь пахло жильем. После тюрьмы, после суда, после камеры смертников – прямо-таки курорт...

Семироль ловко – видимо, привычно – растопил камин. Но в комнате и без того было тепло. Ирена сидела на краю дивана, свесив руки между колен, равнодушно разглядывая причудливые картины на обшитых деревом стенах.

– Вы увидите – здесь гораздо лучше, чем в тюрьме. У вас будет возможность помыться и отдохнуть...

– Я хочу переодеться, – сказала она шепотом.

Тюремная роба казалась прилипшей к телу коростой. К тому же, этот въевшийся чесночный запах...

Чеснок не защитит ее. Серебряная пуля?.. Осинový кол?..

А кстати, когда ближайшее полнолуние?!

У нее был доступ к газетам, календарям... А она не выяснила такого простого, такого важного вопроса...

– Ирена, вода в котле согрелась. Можете принять ванну, можете хоть душ... Эти тряпки, что на вас, бросьте в мусорный бачок. Там на крючке найдете халат. Банные принадлежности – само собой... Я вам совершенно доверяю – вы ведь не будете... топиться?

Последний вопрос прозвучал шуткой. Ирена выдавила ответную улыбку; ей никуда не хотелось идти. Не хотелось подниматься с дивана...

Ванная комната не уступала размерами камере смертников. И дверь, к Ирениной радости, запиралась на крючок.

Она стянула с себя робу – рывком разорвав воротник. Странно, что в ней осталось столько силы... Или на одежду смертника идут гнилые нитки?..

Ее мысли были как донные рыбины – тяжелые и плоские.

Она смыла с себя тюрьму и суд. Все обвинения соскребла пемзой. Терла бока жесткой губкой, надеясь сбросить кожу и возродиться – как змея...

Но кожа не пожелала сниматься, и Ирена потеряла к мытью интерес. Постояла под душем, меняя температуру воды; выбралась, оставляя мокрые следы на теплом резиновом половике.

Телу было хорошо. Тело хотело есть и спать. Тело не желало думать о...

Ирена невольно прижала ладони к сонной артерии. Перевела взгляд на крючок, запирающий дверь.

Не выдержит сильного удара...

Но мысль неплохая. Минут пять крючок продержится – она успела бы...

«Я вам совершенно доверяю – вы ведь не будете... топиться?»

Посмотрим, подумала Ирена вяло.

Растерлась полотенцем. Плотно запахла халат – ее неприятно поразило, что он пришелся впору, но одинокая мрачная мысль утонула в удовлетворенном вздохе разомлевшего тела. Нетюремная одежда. Наконец-то...

Она поколебалась, прежде чем сбросить крючок. Сбросила, нарушила кратковременную иллюзию убежища, собственной крепости...

Слышно было, как далеко внизу потрескивает в камине огонь. И невидимый Семироль насвистывает сквозь зубы – нечто из классического репертуара...

Она огляделась.

Дом большой. Крепкие ставни. Следует озаботиться теплой одеждой и надежной обувью – горы, ноябрь...

У нее есть кое-какой опыт. Пусть давний, пусть туристский – но со спичками и минимальным снаряжением она продержится в горах, наверное, с неделю... Даже в ноябре.

Она чуть заметно улыбнулась.

Двери, очевидно, запираются на семь замков – но ведь это не тюрьма! Если у нее будет время – хоть несколько дней... Кухня, кладовая, веранда...

Она улыбнулась смелее.

«Живите сегодняшним днем».

Почти свобода... Во всяком случае, иллюзия свободы. Махровый халат вместо робы смертника – и вот уже человек безудержно счастлив...

Ноги стонали от удовольствия, утопая в меховых объемистых тапках. Она думала, что приближается беззвучно – но Семироль обернулся, стоило ей показаться в дверях.

– Ага... Ну вот, другое дело. Сейчас будем ужинать... и стакан красного вина показан вам... для здоровья.

* * *

Она наелась до отвала и выпила бутылку вина.

После этого мыслям стало просторно, а телу комфортно и даже весело.

– Я прошу прощения за неуместное любопытство... Но вы когда собираетесь... меня жрать?!

– Я же упырь, а не людоед, – отозвался Семироль с нескрываемой укоризной. – Никто не собирает вас жрать, это негуманно и антиэстетично...

– Сумасшедший дом, – с чувством сказала она, откидываясь на подушки. – Анджей ненормальный.

Семироль взглянул на нее – серьезно, без улыбки.

– Могу я узнать, кто такой этот Анджей, которого вы все время поминаете?

– А это мой бывший супруг... Редкостная скотина. Моделятор всего это вашего чертового мира...

Семироль дождался продолжения, но Ирена молчала, блаженно щурясь на огонь камина, и тогда он осторожно поощрил ее откровенность:

– Да? Неужели уж такая скотина? Все бывшие жены так говорят...

– Не все, – Ирена обиделась. – Вы же сами можете судить... Это кем надо быть, чтобы смоделировать всю эту вашу... весь этот маразм?!

Семироль осторожно отхлебнул из своего бокала:

– Какой именно из маразмов?

Ирена обвела рукой вокруг себя, указывая одновременно на камин, Семироля, экзотические картины на стене и невидимые горы за окном:

– Да все это... Весь этот так называемый мир. Действительность, реальность... Которой нет и не было. Которую смоделировал Анджей... отталкиваясь от нашего нормального мира, но как же далеко он, идиот, оттолкнулся!..

Она с отвращением посмотрела на содержимое собственной тарелки. Там лежала гренка под чесночным соусом; господин Семироль, будто на что-то намекая, весь вечер предлагал ей

чеснок и даже съел на ее глазах пару чесночных долек. А Ирену мутило от чесночного запаха – вероятно, она возненавидит его до конца жизни...

Кстати, неизвестно, когда он наступит. Может, завтра...

– Ну подумайте, Ян, – пробормотала она, устало прикрывая глаза. – Разве может считаться нормальным мир... Ну ладно, МОДЕЛЬ... Где невинного человека приговаривают к смерти за совершенно чудовищные преступления! Которых он в жизни не мог совершить – по целому ряду причин... Во-первых потому, что он ненавидит насилие. Во-вторых потому, что его не было не то что в этой стране – в этом МИРЕ, потому что эти десять месяцев, о которых все вы мне уши прожужжали... Я была у себя! В нормальном, оригинальном мире! Вне МОДЕЛИ, поймите... Я не могла совершить всех этих ужасов, за которые вы меня собираетесь...

Она поставила бокал на край стола – так экспрессивно, что отвалилась тонкая стеклянная ножка.

– Вы не порезались?

Она посмотрела на одинокую красную каплю, ползущую по пальцу.

Быстро взглянула на Семироля. Спрятала палец под мышку:

– Не-е-ет... Это моя кровь. Нечего. Не отдам.

Семироль отвел взгляд:

– Да вы не беспокойтесь...

Ирена криво улыбнулась:

– Я не беспокоюсь... Это ВАМ надо беспокоиться. Потому что когда у господина Петера кончится энергия – а она уже кончается – весь этот... вся МОДЕЛЬ схлопнется, как чемодан. Вместе с красивенькими горами, придурковатым правосудием и вампирами... Кстати, вы в курсе, что вампиров в нормальном мире не бывает? Это выверты извращенной фантазии. Сколько я пересмотрела... про ваших собратьев... пересмотрела киношек, и некоторые весьма интересные... и чего там только... Но ТАКОГО! Нет, это только Анджей способен... Продавать смертников вампирам на съедение – это же... или он бездарный модельатор, или скотина. Или у него бред...

Семироль уже сидел рядом, на диване. Брови его болезненно сошлись над переносицей:

– Ирена... Вы знаете, мне кажется, это у вас бред. Раньше такое бывало? Нет?

– Нет, – сообщила Ирена, всхлипнув. – Я уравно...вешенный спокойный человек... Какого пса я поддалась на эту провокацию?! Ползла в чертову МОДЕЛЬ, как лисица в омут, купилась... Дешевая авантюра... Из-за Анджея. Из-за него.

– Только не волнуйтесь. Ладно? Если это реактивный психоз... Это бывает. Не волнуйтесь. Спокойно. Да?

– Да, – сказала Ирена, закрывая глаза. – Я совершенно спокойна... И мне давно уже на все плевать.

* * *

Она проснулась в темноте.

Полежала, не меняя позы – на спине, с вытянутыми вдоль тела руками.

С трудом согнула затекшие ноги. Одежда не было.

Холод... Сырость...

Темень. Едва ощутимый запах плесени.

Провела ладонями по лицу, груди, животу. Попыталась раскинуть руки шире – и уперлась в деревянные стенки.

Дернулась. Покрылась холодным потом. Рывком села.

Она сидела в длинном ящике, суживающемся в ногах. В гробу; она не закричала только потому, что на время потеряла голос.

Рывок...

Гроб соскользнул с возвышения и загрохотал, ударившись о каменный пол. Ирена упала вместе с ним; шипя от боли, выползла из расколовшейся домовины, споткнулась о подвернувшуюся крышку, упала опять...

Неподалеку сухо стукнуло дерево. Как будто распахнулась снабженная пружиной шкапулка.

Ирена метнулась. Помещение было крохотное, и ни одна из четырех стен, одинаково сырых и холодных, не содержала ни намека на дверь.

Ирена забилась в угол.

Ее гроб, разбитый, потерявший атласную подушечку, валялся теперь возле опустевшего постамента. Зато другой, на соседнем постаменте, медленно открывался...

Легла на полированный край белая рука с длинными холеными пальцами.

Крышка откинулась полностью, превратив гроб в подобие раскрытого скрипичного футляра.

То, что находилось в его бархатных недрах, неспешно приподнялось.

– Перфое, о чем я фас попрошу – мужестфо и фпокойстфие, – негромко сказал господин адвокат Семироль. Ему тяжело было говорить – белые клыки лежали на нижней губе, а острия их находились на уровне подбородка.

– Расслафьтефь и жифите фегоднфним днем...

Через бортик гроба перекинулась нога в сверкающем штиблете.

– А-а-а!!!

Ирена кричала, сбивая комом простыни.

За окном проступали, чуть обозначенные рассветом, силуэты гор.

Одеяло в чистом пододеяльнике валялось на полу. На Ирене была ночная сорочка до пят; с трудом заставив себя замолчать, она села на кровати, подобрала колени к подбородку.

Маленькая аккуратная комната. Открытые ставни. Теплый радиатор с красным глазком. Высокий графин на ночном столике. Вода...

Жажда; Ирена провела языком по сухим губам.

– Ой...

Капли падали ей на грудь и терялись в складках ночной сорочки.

Силуэты гор становились все более явными, обретали краски.

Совсем как на той турбазе, где они с Анджеем...

– О-ой...

Она подобрала одеяло и укрылась с головой – желая отгородиться и от кошмаров, и от воспоминаний, и от назойливых гор.

* * *

– Вчера вы слишком много выпили, Ирена...

Она тяжело вздохнула.

– ...но вчера вам необходимо было расслабиться. Да?

Она поморщилась. Утро оказалось подернутым легкой дымкой дурноты.

– ...Глядя на вас, трудно предположить, что вы отличаетесь повышенной тягой к спиртному... Прежде, думаю, с вами такого не случалось. Я прав?

– Какая разница, – сказала она раздраженно. – Да будь я трижды алкоголичка... Вы написались в том, что прикончите меня в течение трех месяцев. Ну так не тяните удовольствие! Или это новое развлечение – пытаться ни в чем не повинного человека ожиданием смерти?!

Семироль пожал плечами:

– Если так рассуждать, Ирена... Вся наша жизнь есть ожидание смерти. Так что же, душить младенцев прежде, чем они это осознают?

Она не стала возражать. Осторожно пристроила на спинке кресла больную, тяжелую голову.

...Она не спала с рассвета. Из окна ее спальни открывался неплохой вид на дорогу за воротами, на какие-то постройки, которые она приняла за гаражи; в комнате нашлось как минимум два тяжелых предмета, годящихся для выбивания окна. А чтобы избежать шума – можно предварительно приклеить к стеклу полосы из разорванной наволочки... Ирена часто дышала, борясь с головокружением, а в мозгу ворочалась тем временем первая фраза из нарождающейся повести: «...Холодный воздух обжигал. По веревке из разорванных простыней она спустилась в снег... Сугробами, пригибаясь, подныривая под окнами... добралась до гаража, туда, где висел на скобах массивный разомкнутый замок. Дорога была свободна...»

Она мрачно улыбнулась; ее улыбка не укрылась от глаз Семироля.

– Ирена, я еще вчера хотел сказать... Бежать отсюда совершенно невозможно, отсюда еще никто никуда не убежал. Знаю, вы не поверите мне на слово, будете пытаться... И каждая такая попытка принесет вам новое разочарование и, возможно, травмы, увечья. Давайте договоримся, что вы не будете подвергать свое здоровье таким испытаниям. Ладно?

«Дорога была свободна...»

Ирена тупо смотрела в стену прямо перед собой. На стильной модернистской картине изображена была женщина с иссиня-бледным, изломанным лицом. В темном проломе окна за ее спиной висела желтая жизнерадостная луна.

Интересно, какие эмоции должно вызывать ЭТО? В особенности у вампира?..

– У меня к вам еще один важный вопрос, Ирена... – Семироль вздохнул. Сейчас она казался не таким уж холемым: вокруг глаз легли явственно различимые темные тени. – Когда я читал в материалах вашего дела о попытке симуляции психического расстройства... это не особенно меня пугало. В конце концов, в вашем положении не симулирует только ленивый... или человек без фантазии...

Он выжидательно замолчал. Ирена молчала тоже – второй раз за десять минут господин Семироль болезненно уязвил ее.

Потому что ее приводило в истерику часто слышанное в тюрьме слово «симуляция».

– Ирена, скажите мне еще раз. Кто такой Анджей?

– Мой бывший муж, – проговорила она с отвращением.

– Где он сейчас?

– Говорят, он умер... но я не верю.

– У вас есть основания не верить?

Ирена смотрела в его настороженные глаза. Невозмутимый господин Упырь отчего-то беспокоился; Ирена интуитивно чувствовала, что может это беспокойство усугубить.

– Есть, – проговорила она, не пытаясь спрятать взгляда. – У меня есть основание предполагать, что если бы Анджей умер – весь ваш мир тотчас же накрылся бы медным тазом.

Семироль чуть нахмурился. В уголках его рта пролегли невидимые раньше складки:

– Выходит, ваш бывший муж – попросту Создатель? Ни много ни мало?

Она помолчала. Ее халат вдруг стал стеснять ее – она сидит перед господином Упырем в совершенно интимном, неприличном виде...

– Я не думала об этом, – призналась она наконец. – Вряд ли уместно называть Анджея Создателем. Он создал не мир, а всего лишь... МОДЕЛЬ. Вот эту самую.

Повисла тишина. Семироль прошелся по комнате, остановился у окна, побарабанил пальцами по деревянному подоконнику:

– Но ведь экспертиза признала вас полностью вменяемой, Ирена. И у нее были на это свои основания...

– Как долго вы собираетесь меня тут держать? – спросила она устало.

Семироль подошел. Остановился напротив, так близко, что мог бы, протянув руку, коснуться Ирениного лба.

– Честно? Зависит от многих факторов. От вас в основном, не от меня...

В дверь гостиной постучали. С той стороны; звук был настолько неуместным и неожиданным, что Ирена вздрогнула.

– Заходи, – не повышая голоса, сказал Семироль. И добавил, обращаясь к Ирене: – Познакомьтесь. Это мой управляющий, Сит.

* * *

Ирене не понравилось общество управляющего.

Если, конечно, уместно назвать «управляющим» здорового мужика с повадками профессионального телохранителя. Собственно, чего-то подобного следовало ожидать: кто-то ведь должен присматривать за очередной жертвой, в то время как господин Семироль отбирает себе клиентов, изучает материалы уголовных дел, выступает в суде... Нагуливает, короче, потребность в теплой кровушке...

Ирену передернуло.

– Вы можете книжки пока почитать, – равнодушно-заботливо порекомендовал управляющий. Он сидел, развалившись в кресле, вытянув ноги, заложив сцепленные мохлястые руки за коротко стриженный затылок. Под «книжками» подразумевался ворох карманных романчиков в мятых бумажных обложках, вероятно, с их помощью успокаивал разыгравшиеся нервы не один десяток вампирских жертв...

Как часто, спрашивала себя Ирена. Как часто господин адвокат ощущает свою «гемоглобиновую зависимость»? Судя по тому, что Семироль не прокусил ей артерию при первой же возможности – от жажды он не страдает. Подвернулась жертва – выкупил, теперь дожидается здорового аппетита...

– Вам, наверное, запрещено говорить со мной? – спросила она, рассеянно перебирая яркие зачитанные томики.

– Это почему, – после некоторого раздумья отозвался управляющий. – Я просто... гм. Ну, если вам интересно со мной говорить...

Ирена посмотрела на него внимательнее. Свободные брюки, длинный вытянутый свитер с высоким, под горло, воротником. Уши, плотно прилегающие к круглой голове. Боксерская челюсть. Неопределенного цвета глаза.

– В жизни вы бы на меня и не глянули, – сказал управляющий с явственным оттенком горечи.

– В жизни?!

Целую минуту Ирена была в плену жуткой догадки: Семироль убил ее еще по дороге, и сейчас она проживает свою вечность в загробном мире, смоделированном безумцем-Анджеем...

– В нормальной жизни, – уточнил управляющий, и Ирене понадобилась еще минута, прежде чем она смогла принужденно рассмеяться:

– Честно говоря, я предпочла бы... Чтобы мы встретились при других, менее романтических... обстоятельствах...

– Вы действительно угрохали этих троих пацанов?

Некоторое время Ирена молчала, и по мере ее молчания глаза управляющего делались все меньше и меньше. Булавочными головками заползали под брови. «Сука!» – явственно читалось в этих глазах.

– Я никого не убивала, – выдавила наконец-то Ирена, с удивлением понимая, что голос ее звучит неубедительно. – Это не я...

– Типа, ложное обвинение?

Он не то чтобы не верил ей. Хуже – ему было совершенно все равно. По заслугам ее осудили или по ошибке – судьба одна. Вероятно, управляющий-телохранитель без счета перевидал таких вот без пяти минут покойников, чей срок жизни определяется физиологическими потребностями господина Семироля...

– Именно ложное, – сказала она, отворачиваясь. Управляющий почмокал губами – иронию это означало или сочувствие, Ирена так и не поняла.

Молчание длилось около получаса; телохранитель все так же смотрел в потолок, а Ирена перебирала никчемные книжки, не замечая, что по несколько раз берет в руки один и тот же переплет.

– А... вы давно служите?

Управляющий поднял брови:

– Служу?

– Ну, работаете... у... здесь?

– Седьмой год, – отозвался мордovorот после некоторой паузы. И добавил с неожиданной задумчивостью: – Да, вот седьмой годик-то... Как время то... шпарит.

Ирена помолчала.

Управляющему можно было дать на вид не больше тридцати лет. Интересно, что заставило молодого мужчину лучшие годы посвятить столь щекотливой... работе. Вероятно, деньги. Семироль вряд ли скупится...

– Хозяйство большое... Вы ведь здесь не один? Кто-то еще тут работает, нет?

Управляющий вздохнул и взглянул на Ирену так, будто вопрос был ему невыносимо скучен.

– Говорят, отсюда нельзя сбежать? – небрежно спросила Ирена, когда стало ясно, что ответа на предыдущий вопрос не будет.

Управляющий наконец-то расцепил руки. Осторожно погладил массивное колено:

– Не-а. Нельзя. Верно говорят.

* * *

Общество мордovorота изрядно утомило Ирену – однако появление Семироля тем более не принесло радости.

Господин адвокат вернулся не один. Вместе с ним явился маленький щуплый человек, который, судя по напряженному бегающему взгляду, чувствовал себя далеко не в своей тарелке. Появлению обоих предшествовал звук подъехавшей машины – следовательно, щуплый гость прибыл из большого мира. Из-за перевала.

– Ирена, познакомьтесь... Это господин Столь... Его имя вам ничего не говорит, но он эксперт региональной гуманитарной комиссии. Вы хотели побеседовать с кем-нибудь о вашей невинности? Вот, у вас есть такая возможность... Пойдем, Сит.

Управляющий-телохранитель наконец-то выбрался из своего кресла. Неодобрительно покосился на рассыпанные карманные томики. Вышел, вежливо пропустив перед собой Семироля.

Дверь закрылась.

Господин Столь потер ладони – и сразу напомнил Ирене господина Петера. Только если Петер был плотен и объемист, то Столь казался средних размеров пугалом, покинувшим родной огород в поисках приключений.

– Рад приветствовать вас, госпожа Ирена...

Она проглотила слюну.

О региональной гуманитарной комиссии она слышала впервые. В доброту Семироля ей верилось с трудом – однако вот стоит человек, ради нее прибывший из-за перевала, и если хорошенько прижаться лицом к стеклу, можно разглядеть его машину у ворот...

Она помолчала. Приезжий мялся, собираясь с мыслями.

– Так уж рады? – проговорила она медленно.

Столь близоруко захлопал воспаленными от ветра глазами. Вероятно, гуманитарная комиссия не пользуется особым влиянием. Эксперты из уважаемых организаций ведут себе иначе... Ирена вспомнила холеных экспертов, чьи подозрительные взгляды провожали ее, когда она уходила в МОДЕЛЬ.

– Госпожа Хмель, я знаком с решением суда... Со всеми материалами по вашему делу. С данными судмедэкспертизы... С вашими показаниями... Картина представляется, хм, странная... Я хотел бы еще раз подробно услышать от вас...

Она набрала в грудь воздуха.

Ей нужно подумать. Ей нужно хотя бы минут десять, чтобы собраться с мыслями...

Но времени не было, и потому она начала. Еще раз. Подробно.

На двадцатой минуте ее рассказа Столь нахмурился. Лицо его, перед тем дряблое и растерянное, обнаружило вдруг признаки суровости:

– Госпожа Хмель... Не стоит уклоняться от ответа на один из важнейших вопросов: где вы были десять месяцев подряд? Пока творились все эти злодеяния? Господин Семироль говорил мне, что у вас есть своя версия, очень оригинальная...

Ирена поморщилась:

– Неприятно выглядеть сумасшедшей... тем не менее... мне некуда отступать. Да, все эти десять месяцев существования МОДЕЛИ... Я находилась в другом мире. В мире, послужившем для МОДЕЛИ прообразом. Оригинальном мире. Я вышла на холм – с вашей точки зрения, из ниоткуда... спустилась к своему дому. Он был пуст, но следы чужого присутствия...

– Извините, госпожа Хмель. Вы существуете в двух мирах одновременно?

Она помолчала. Ее собеседник ерзал в кресле, собеседник на месте управляющего Сита; кресло, удобное для мордоворота, оказалось непомерно велико для тощего седалища господина Столя.

– Нет, – сказала она осторожно. – Сейчас – только здесь. А они, там, во внешнем мире... Ждут не дождутся, – она изобразила кислую усмешку.

– Очень интересно, – Столь кивнул. – Если можно, подробнее... О том, другом мире. Кем вы там были. Кто были ваши родственники и друзья... и кого из них вы можете встретить здесь.

Ирена вздохнула. Закинула ногу на ногу; с другой стороны, что ей терять?..

Она вздохнула еще раз – и заговорила.

* * *

Под конец второго часа беседы господин Столь, понимающе кивая, осторожно поинтересовался:

– А скажите пожалуйста, госпожа Хмель... В каком возрасте у вас установился менструальный цикл?

Ирена замолчала.

То, что у гуманитарной комиссии разнообразные интересы, она поняла раньше. Но не до такой же степени разнообразные...

– Видите ли, это имеет значения для развернутого взгляда на проблему...

– На проблему моей виновности?

Собеседник часто замигал воспаленными веками без ресниц. У него стремительно развивалось нечто вроде конъюнктивита, и он все чаще прикладывал к глазам свой белый, сложенный вчетверо платочек.

– В том числе... Не удивляйтесь, мои интересы несколько специфичны...

Ирена молчала. Надежда, зародившаяся против ее воли, надежда, что ее наконец УСЛЫШАТ – таяла все скорее.

– Гм... госпожа Хмель. В Ваших интересах быть как можно откровеннее... Хорошо. Поговорим об Анджее. Это ваш муж. И вы разошлись. Каковы причины вашего разрыва?

Ирена молчала.

– Гм... Возможно, корень ваших противоречий был в несовместимости... э-э-э... чисто физиологической? Как складывалась ваша интимная жизнь?

Ирена молчала.

Даже самая отчаянная истерика в ее исполнении оборачивалась тупым, непробиваемым молчанием.

* * *

А ночью, натянув одеяло до самого подбородка, она поняла наконец, чего хотел от нее этот тощий маленький Столь.

Потом, в кабинете Семироля, он скажет, опасливо отодвигаясь от кровососущего господина адвоката: «За то, что это не шизофрения, я вам ручаюсь. Реактивный психоз – может быть. Но это не ядерные... симптомы, я совершенно согласен с данными экспертизы. Нет, не шизофрения...»

Или нет. Скорее, он скажет что-то вроде «Ничего не могу понять. По всем признакам она здорова – но этот устойчивый бред... С одного раза, без длительного наблюдения, без понимания динамики... Ничего не могу сказать».

Ирена вздохнула. Возможно, настоящие врачи выражаются по-другому, и ее скудные знания о психиатрах слабо соотносятся с действительностью...

«У вас есть совесть? – мысленно спросила она у щуплого господина Столя. – Совесть... хотя бы врачебная? Сколько вам заплатили за то, чтобы вы поинтересовались психическим здоровьем... человека, предназначенного на убой?»

В огромном доме стояла тишина. Крепко заперты двери, за непробиваемыми стеклами царствует темень.

Ирена вспомнила беспокойство в глазах Семироля.

ЗАЧЕМ ему ее психическое здоровье? Или вампир не может потреблять сумасшедших?

Она села на кровати.

Вампир... Скорее. Что она читала? Серебряные пули... Омела... Чеснок... Чушь. Формула крови меняется в связи с психическим заболеванием... Да. Она читала. Давно. Что-то. Рассказ или статью – не важно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.